

Виктор БЕЛОУС

ФЕНОМЕН
ТОМА КЛЭНСИ

**(мозаическая картина из различных по
характеру и свойствам частиц литературно-
критических и жизненных соображений)**

Кировоград
2015

ББК 84(4РОС)6-444.4
УДК 82-311.6
Б 43

Автор выражает признательность СЕМЕНЮКУ Олегу Анатольевичу, доктору филологических наук, профессору, ректору Кировоградского государственного педагогического университета им. Владимира Винниченко, за конструктивные критические замечания, высказанные им в процессе подготовки и написания этой книги.

Белоус Виктор.

Б 43   Феномен Тома Клэнси (мозаическая картина из различных по характеру и свойствам частиц литературно-критических и жизненных соображений). – Кировоград: «Центрально-Украинское издательство», 2015, – 95 с.

ISBN 978-966-130-047-6

На примере творчества конкретного автора рассматривается роль писателя в воздействии на умы своих читателей, в формировании взглядов и позиции общества по значительным вопросам современности

**ББК 84(4РОС)6-444.4
УДК 82-311.6**

ISBN 978-966-130-047-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

В советское время в лучших традициях классической русской литературы бытовала поговорка: “Писатель, чтобы стать классиком, должен сначала умереть”. Тому Клэнси повезло: он родился и жил в другой стране и стал классиком американской (да и мировой) литературы своего жанра ещё при жизни.

Имело место также и мнение, что “аполитичные авторы политические детективы не пишут!” Том Клэнси – достаточно яркий пример полного отсутствия аполитичности, и этим привлекателен. Мы имеем полное право не разделять его убеждений по поводу, скажем, внешней политики США и методов её осуществления, но не можем не признать искренности убеждений писателя и готовности их объяснять, доказывать и отстаивать. Подтверждение тому – не только книги Клэнси, но и его выступления в средствах массовой информации и перед личным составом Вооружённых Сил США, участие в политических кампаниях.

Политический детектив является одним из видов оружия пропаганды, которая, как известно, условно разделяется на белую, серую и чёрную по принципу методов отражения и внедрения в сознание реципиентов главных идей государства. “Цветовые метки” представляется возможным нанести, снова ж таки условно и с массой оговорок, и на творчество авторов политического детектива. Так, “белым” можно (пусть и с оговорками) признать Ф. Форсайта, “серым” – Р. Ладлэма, а вот Т. Клэнси – тот “чёрный”.

Следует отметить, что “цвет” ни в коей мере не относится к уровню писательского мастерства и не влияет на него. Это просто показатель глубины и искренности восприятия автором идеологии своей страны, степень его желания привлечь читателей на свою сторону. Вспомним известных Льва Овалова и Юлиана Семёнова (оба, кстати, “чёрные”!).

В название книги вынесено два номинатива: нарицательное существительное “*феномен*” и имя собственное – “*Том Клэнси*”. Так вот: главным из них есть слово “*феномен*”, ибо именно “*феномен*” Тома Клэнси исследуется как явление на отдельных материалах жизни и творчества автора.

ОСКОЛОК БИОГРАФИИ АВТОРА

Энциклопедия биографий всемирно известных личностей Encyclopedia of World Biography в 2004 писала, что Том Клэнси, 1947 года рождения, сочиняет романы о приключениях и шпионаже в военно-промышленном комплексе, которые принесли ему громадную популярность в 1980-х в качестве автора жанра “технотриллера”.

Том Клэнси родился в Балтиморе, штат Мэриленд, в семье почтальона и сотрудницы банка. После окончания колледжа им. Лойолы в Балтиморе в 1969 году он женился на Ванде Томас и работал страховым агентом. С 1980 г. – владелец страхового агентства в г. Оуингс.

Слабое зрение не позволило ему посвятить себя военной карьере, однако Клэнси продолжал интересоваться тематикой вооружённых сил и военных технологий. Как результат, идеи нескольких романов, созданных им в 80-х, и образы их главных действующих лиц родились ещё в 70-х. Том Клэнси работал и занимался семьёй, а свободное время отдавал литературному творчеству.

Его первый роман, “Охота за “Красным Октябрем”, был опубликован в 1984 г. Институтом прессы ВМФ, некоммерческим издательством в Аннаполисе. История перехода на сторону врага командира советской подводной лодки отразила дух политики “холодной войны” периода правления Рейгана, когда внимание было приковано к вопросам советской военной мощи и способности США принять и отразить этот вызов.

Роман был замечен президентом Рейганом и его супругой, которые публично его похвалили, что позволило произведению занять верхние позиции в списках бестселлеров. Литературное приложение к газете “Таймс” опубликовало обзор книги, сделанный Каспаром Уайнбергером, министром обороны в кабинете Рейгана, который назвал роман “превосходным” и “увлекательным”, а описание технических сторон – “обширными и полными”. В своих последующих романах Клэнси продолжал использовать сюжеты, построенные на критических вопросах мировой политики, рассматривая их с позиций представителей

вооружённых сил или ЦРУ, включая проблемы мировой торговли наркотиками и международного терроризма.

Все популярные романы Клэнси подолгу пребывали в списках бестселлеров, а, как считает журналист газеты “Ньюйоркер” Луи Менан, количество проданных экземпляров романа “Прямая и непосредственная угроза” (1989) превысило уровень продаж любого романа 80-х. Том Клэнси продолжает успешно творить. По его книгам создано несколько популярных фильмов (в частности, “Охота за “Красным Октябрем”, “Игры патриотов”, “Прямая и непосредственная угроза”).

В интервью программе “Современные авторы” Клэнси отрицал свою причастность к созданию жанра “технотриллера”, однако он использует массу технических подробностей, умело вплетая их в сложный и увлекательный сюжет, что сделало его основным автором этого жанра и добавило приключенческому роману военной реалистичности и сложности. Сюжеты его произведений основаны на наиболее острых международных проблемах периода. Романы Клэнси “Охота за “Красным Октябрем”, “Красный шторм поднимается” (1986), “Кремлёвский Кардинал” (1988) построены вокруг различных сторон советско-американского противостояния.

После окончания “холодной войны” Клэнси обратился к проблемам торговли наркотиками в Южной Америке (“Прямая и непосредственная угроза”), терроризму Ирландской Республиканской Армии (“Игры патриотов”) и ситуации на Ближнем Востоке (“Все страхи мира”, 1991).

Персонажи Клэнси пришли на страницы его книг с разных уровней военного истеблишмента: от солдат элитных подразделений и членов экипажей до командиров, генералов, оперативников разведки и правительственных чиновников. Их цели и мотивы зачастую упрощённо хорошие или плохие и, несмотря на то, что в героях более поздних романах видим больше сложности и объёмности, большинство стоящих перед ними моральных дилемм сводятся к выбору между Добром и Злом. Для более точного создания образов своих героев Клэнси проводит интервью с личным составом, посещает корабли и гарнизоны; он также знакомится с рассекреченными документами.

Героем многих романов Клэнси является Джек Райан, одно время работавший в ЦРУ – воплощение целостности, смелости и находчивости в той игре с большими ставками, которая ведётся в

нашем постоянно меняющемся мире. Независимо от того, устраняет ли он критическую ситуацию, как в “Прямая и непосредственная угроза”, или случайно стал участником международного конфликта, как в “Игры патриотов”, Райан умело использует для выполнения своей задачи современные технологии. Как сказал Клэнси в уже упоминавшемся интервью “Современные авторы”: “побеждает тот, кто использует (современные технологии)”. Точность, с которой Клэнси описывает военно-промышленные технологии и занятых в них людей, невообразима для постороннего человека, а то, с какой приязнью он описывает Вооружённые силы США, заслужило ему уважение в кругах военных.

Рональд Рейган назвал роман “Охота за “Красным Октябрем” “классной байкой”. Этот комментарий можно считать общим мнением критики по поводу романов Клэнси. Несмотря на то, что некоторые обозреватели считают сюжеты романов “Все страхи мира” и “Прямая и непосредственная угроза” слишком растянутыми и перегруженными техническими деталями, большинство всё-таки считают, что Клэнси умеет создать качественный триллер. Отношение критиков к используемым Клэнси техническим подробностям неоднозначно: одни считают, что он описывает оружие и тактику его применения чётко, ясно и интересно; другие (возможно, лучше знакомые с этими вопросами) – что его описания неточны и маловероятны.

В чём критика практически единодушна, так это в том, что Клэнси не удаётся качественно прописывать персонажи, а его герой Джек Райан слишком безупречен и невероятно порядочен. В ответ на замечания о Райане Клэнси в последующих произведениях добавил ему несколько грешков, однако некоторых критиков переубедить всё-таки не смог.

Романы Клэнси критика обычно воспринимает в том же духе, в каком они написаны: развлекать и просвещать, одновременно описывая важные международные события текущего времени и показывая, как Соединённые Штаты умеют противостоять сложным вызовам благодаря своей высокой моральности, храбрости и умелому применению современных технологий.

СТЁКЛЫШКО КАРТИНЫ МИРА

(о картине мира у Клэнси)

Современная наука под картиной мира понимает систему представлений о мире и месте человека в нём, сведений о взаимоотношениях человека с окружающей его действительностью и с самим собой (сведения и образы, составляющие эту картину мира, могут быть не только визуальными, но и аудиальными, и кинесическими; как правило, они эмоционально окрашены). Важным элементом картины мира есть и обусловленные системой представлений и образов жизненные позиции людей, их убеждения и идеалы, духовные ценности и аксиологические ориентиры и т.п. Названные элементы могут изменяться под воздействием существенных изменений в образах картины мира.

Субъектом (или носителем) картины мира может быть как отдельная личность, так и класс социума, социальное, профессиональное, этническое или религиозное сообщество. Картина мира достаточно полно определяет особенности восприятия и интерпретации событий и явлений, характер поведения и действий субъекта в окружающей реальности. Сложноструктурированную целостность картины мира можно рассматривать как обусловленное специфичным для данного этноса, эпохи, культуры единство трёх составляющих: мирозрения, мироощущения и мировосприятия.

Обобщённый образ мира, как основа мирозрения человека, отражающий существующие реальности мира в сознании человека в процессе его духовной и познавательной активности, как основной ориентир его деятельности – это концептуальная картина мира (ККМ)¹. Концептуальная картина мира частично вербализуется, находя своё отражение в языковой картине мира (ЯКМ), под которой понимается совокупность зафиксированных в

---

¹ Постовалова Е.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. - С. 8-69; с.21-27;

языковых единицах представлений о действительности на определённом этапе её развития², то есть использование лексического и грамматического состава языка для создания образа всего существующего в виде целостного и многокомпонентного мира, который в своей структуре и в связях своих составляющих отражает человека, его материальную и духовную жизнедеятельность, пространство и время, в котором он существует³.

Различные языки человечества (за исключением искусственно созданных) имеют свои способы концептуализации окружающего мира. В основе каждого конкретного языка лежит своя особенная модель мира, в соответствии с которой языковая личность должна организовывать свои высказывания. Таким образом, ЯКМ для каждого языка есть самобытной, неповторимой, своеобразной и напрямую определяется социокультурными особенностями народа.

Любой серьёзный писатель видит мир по-своему, только ему присущим взглядом. Именно эта самобытная манера мирозрения, мировосприятия обуславливает меру читательского интереса к нему. Исследователь же творчества писателя обязан погрузиться в то особенное социальное, эстетическое, психофизическое окружение, которое породило оригинальную яркую личность автора-прорицателя, многократно повторяющего крик Кассандры.

---

² Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. - Воронеж: Истоки, 2002. - 192 с; с. 89;

³ Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. - М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. - 327 с.; с.77

СМАЛЬТА СЮЖЕТОВ

(немного о сюжетах произведений Клэнси)

Слова из популярной когда-то советской песни “Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути” до сих пор хорошо знакомы многим. Заложенная в них идея “нас не тронь и мы не тронем” имела целью показать “благородную мощь” первого в мире государства рабочих и крестьян, “свято стоявшего” на защите мирного труда своих граждан. Идея оказалась заразной и была подхвачена, правда, значительно позднее, другой сверхдержавой – Соединёнными Штатами Америки. Наглядным примером тому служит творчество популярного автора политических детективов Тома Клэнси (1947 – 2013 гг.), самого “покупаемого” автора популярных триллеров, в которых подробно описываются детали вооружения, средства технической разведки и захватывающие геополитические кризисы.

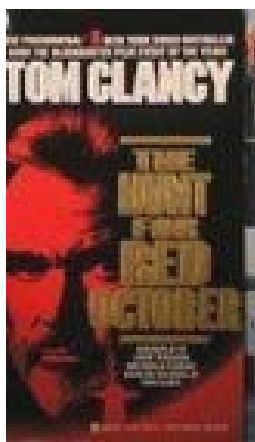
После выхода в свет в 1984 г. его первого романа “The Hunt for Red October” (“Охота за “Красным Октябрем”), Т. Клэнси стал литературным явлением, в списке его многочисленных читателей и преданных почитателей – государственные деятели и высокие военные чины. Голливуд уже успешно экранизировал его романы “The Hunt for Red October”, “Patriot Games” (“Игры патриотов”), “Clear and Present Danger” (“Прямая и непосредственная угроза”), “The Sum of All Fears” (“Все страхи мира”).

Клэнси справедливо считают создателем жанра технотриллера, жанра современной художественной литературы, соединяющего в себе особенности триллера, шпионского романа и научной фантастики. Созданные в США в эпоху заключительной стадии “холодной войны”, отмеченные высоким патриотизмом и значительным зарядом антикоммунизма, эти произведения послужили подъёму патриотизма, чувства военного превосходства и политического консерватизма в стране. Они были переведены на многие языки, а их автор стал одним из самых популярных и финансово успешных писателей 1980-х годов.

По мнению критики, Клэнси – несомненный столп жанра технотриллера (хотя мне больше по душе термин “военно-

ФЕНОМЕН ТОМА КЛЭНСИ

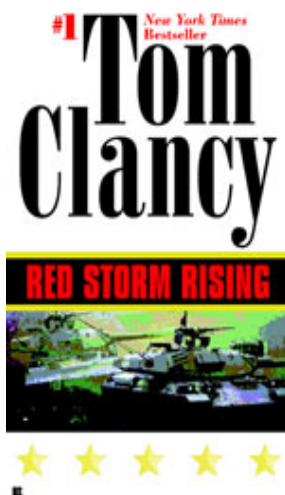
политический детектив”). Одни его хвалят за лихо закрученные, полные “экшн” сюжеты, за талант рассказчика, за глубокие знания в отраслях современного оружия и средств связи, за правый

консерватизм, национализм и поддержку американских военных. Другие критикуют за простоту стиля, однотипность персонажей и многословность, за отдельные примеры расистских суждений, антифеминизм, некритическое отношение к властям, восхваление военно-промышленного комплекса и пропаганду иудеохристианских моральных ценностей. Несмотря на столь неоднозначное восприятие его творчества и политических убеждений, многие миллионы читателей увлеченыiskeпистской

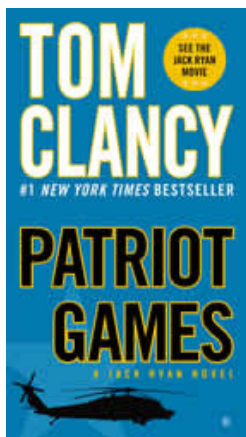
литературой Клэнси.

Романы Клэнси описывают современные военные технологии и разведывательные операции американского

правительства по срыву коварных замыслов международных противников, в основном, это СССР, ближневосточные экстремисты и террористы. На фоне подробных описаний орудий войны и шпионской деятельности действуют персонажи романов – героические мужчины, чья преданность родине и семье подчёркивает их моральное превосходство и неминуемую победу США и их союзников. В большинстве книг Клэнси этот центральный персонаж – Джек Райан, яркая, но скромная личность, счастливый в браке бывший морской

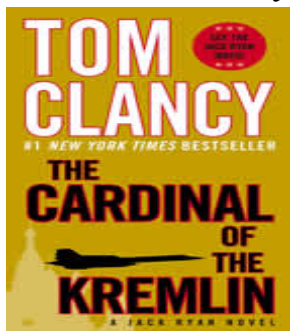
пехотинец, консультант ЦРУ, биржевой игрок и учёный (степень по экономике и истории). Он впервые появляется в “Охоте за “Красным Октябрем”, захватывающей истории бегства советской атомной подводной лодки под командой Марко Рамиуса, разочарованного советского офицера, который ищет политического убежища в США.

Второй роман Клэнси, “Красный шторм поднимается”, описывает будущую неядерную войну между США и СССР. По сюжету исламские фундаменталисты захватывают и уничтожают

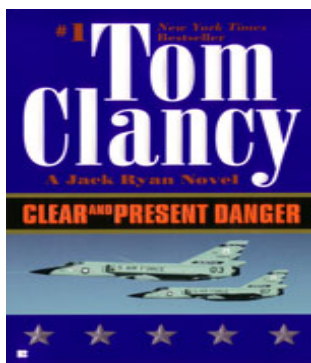
нефтеперегонный завод в Сибири, что приводит к энергетическим сложностям в СССР. В ответ русские имитируют теракт против своего же народа, используя его как предлог для вторжения в Центральную Европу и Исландию и захвата ближневосточных месторождений нефти. Райан в романе не появляется, роль положительных героев выполняют несколько военнослужащих США.

В *“Играх патриотов”* Райан спасает жизнь членам королевской семьи Великобритании во время неудавшееся попытки покушения, организованной членами Армии

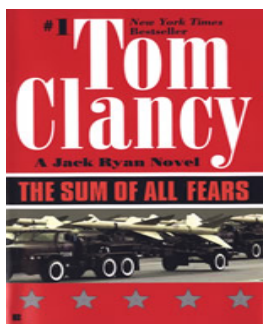

освобождения Ольстера, придуманной автором маоистской фракции Ирландской республиканской армии. Райана посвящают в рыцари, он становится другом принца Уэльского и возвращается к преподаванию в Академии ВМС США в Аннаполисе, где террористы его отслеживают, чтобы отомстить и ему, и приехавшей в гости семье принца.

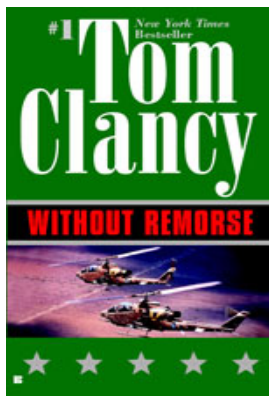
Высокопоставленный американский агент в Кремле под угрозой расшифровки, США и СССР участвуют в смертельной гонке по развёртыванию систем ПРО – это *“Кремлёвский Кардинал”*, где снова появляется Джек Райан.

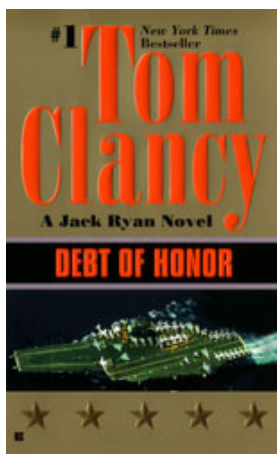
В *“Прямой и непосредственной угрозе”* автор обращается к теме могущественных южноамериканских наркокартелей и борьбе американцев с ними. В этом романе президент США неофициально разрешает скрытно провести активную войсковую операцию против кокаиновых фермеров и поставщиков наркотиков в Колумбии. Райан, к тому времени уже заместитель директора ЦРУ, узнав о неконституционных действиях США, вмешивается в ход событий, чтобы спасти жизни американских солдат, брошенных в джунглях Колумбии на верную смерть.

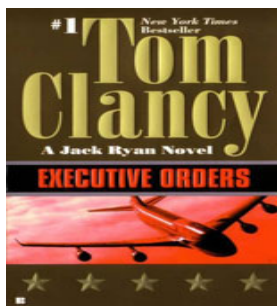
В романе *“Все страхи мира”* террористическая группа из арабских экстремистов, европейских наёмников и местного активиста закладывает добытую ими атомную бомбу на стадионе в Колорадо. Результат – масса жертв, а США и СССР на грани войны.

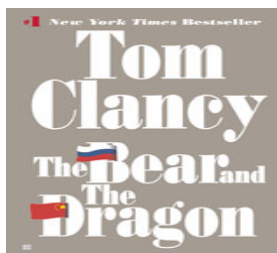
Ещё один положительный герой, Джон Келли, бывший “морской котик” с опытом боевых действий во Вьетнаме, появляется в романе *“Без сожаления”*. Во Вьетнаме он похищает советского агента, в Балтиморе тайно уничтожает группу наркодельцов. За результативное участие в тайных операциях он получает от ЦРУ новые документы и становится Джоном Кдарком.

Мы снова встречаемся с Джеком Райаном в *“Долге чести”*. Он уже советник президента по вопросам национальной безопасности, затем – вице-президент США в центре международного кризиса, причина которого – напряжённые экономические отношения между США и Японией. Реальные боевые действия начинаются, когда японское правительство олигархов подрывает финансовые рынки Америки, захватывает Марианские острова, топит американские подлодки и угрожает применить ядерное оружие. В ответ Райан действует с помощью высокотехнологичного оружия и сложных спецопераций, в которых участвует и Джон Кларк (из *“Без сожаления”*). Однако пилот-самоубийца бросает пассажирский самолёт на здание Капитолия, убивая тем самым почти всё правительство США кроме Райана, который становится следующим президентом страны.

“Слово Президента” – продолжение *“Долга чести”*. Райан у руля практически разрушенной системы управления страной, а в это время Иран и Ирак формируют Объединённую Исламскую Республику, захватывают Кувейт и Саудовскую Аравию, планируют захват Пакистана и Афганистана при помощи Китая и Индии. Напряжённой работе Райана по восстановлению правительства мешают вспышка смертельного вируса лихорадки Эбола и заговор террористов в штате Монтана.

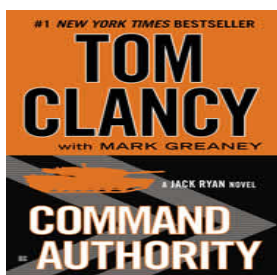

“Медведь и Дракон” – война между Россией и Китаем. Раёан призпает суверенитет

Тайваня, китайский полицейский убивает дипломата, вооружённые силы США помогают России отразить вторжение китайцев в Сибирь.

“Красный Кролик” – в начале 80-х годов аналитик ЦРУ Райан помогает бежать за границу офицеру КГБ, узнавшему о планах убить папу римского Иоанна-Павла II.

Роман “*Command Authority*” (написан в 2013 г., в переводе пока не вышел), в котором мы снова встретим и Райана, и Кларка, предельно реалистично описывает современные события в Украине задолго до их фактического начала.

Это далеко не полный список произведений Тома Клэнси, по сюжетам которого было создано и множество ставших популярными компьютерных игр. Несколько повторяясь, скажу, что все они объединены основной мыслью: США заслуживают роль всемирного третейского судьи. Наиболее важными для книг и игр по сюжетам Клэнси есть создание образа врага; показ и развенчание враждебной идеологии (и её носителей!); выделение западных культурных, исторических, политических, религиозных ценностей; показ единства западного мира; демонстрация американского отношения к союзникам, в т.ч. к теократическим государствам с умеренной религиозностью (Саудовская Аравия, Израиль); показ американского общества в лучших традициях тоталитарной пропаганды (“американское – значит лучшее”, “народ и армия едины” и т.п.). Сцена же казни аятоллы Кларком и Чавезом из романа “Долг чести” – прямо-таки евангельский сюжет или ключевая фраза из фильма “Александр Невский”: “Кто к нам с мечом придёт – от меча и погибнет!”

Подробнее об этом (с попытками анализа использованных автором языковых средств и литературных приёмов) в других главах книги.

P.S.

Сюжеты, использованные Томом Клэнси, во многом взяты из жизни. Это вполне объяснимо: автор постоянно общался с военными и представителями спецслужб, дипломатами и

политиками, часто посещал воинские гарнизоны, боевые корабли, базы авиации и флота США. Среди консультантов и соавторов его книг много действующих офицеров и генералов, живой источник информации из первых уст.

Вызывает удивление: а почему у нас не используется подобная практика? Ведь богатый опыт учений и боевых действий, имевшийся у Советской Армии мог породить книги и фильмы и получше, чем у Клэнси! А нынешние события в Крыму и на востоке Украины, преисполненные проявлениями личного мужества и стойкости на фоне головотяпства и откровенного предательства, трагической доли городов и людей? Неужели они недостойны честного пера писателя-патриота (желательно не из проживающих в Мюнхене или Торонто!)? Или идея использования военно-политического детектива в пропаганде и патриотическом воспитании не согласовывается с высоколобыми концепциями недавно созданного “министерства правды”?

В качестве практически готовой канвы повествования хочу предложить обнаруженный мною на сайте одного авианесущего крейсера отрывок из дневниковых записей полковника в запасе Игоря Струкова “Через четырнадцать морей и три океана на ТАКР “МИНСК”. Я позволил себе “выдернуть” из текста отдельные абзацы, снабдив их своеобразным пособием для начинающего автора и/или режиссёра.

Получилось вот что: “Панорама одного южного порта. Белые здания, флаги на мачтах, серые махины кораблей. Деятельные матросы в синих робах, безукоризненно выглаженные кители офицеров. Идёт подготовка к дальнему походу... *“В Средиземное море вошли спокойно. Нас сопровождает американец и турок. Так вот состоялась наша первая встреча с американскими ВМС в Средиземном море. Кстати, крейсер «Южная Каролина» за все время нашего пребывания в Средиземном море не отходил от нас ни на минуту. Вот так мы в сопровождение двух кораблей двинулись в ночь. Ну, а личный состав корабля и штабы вели сложную подготовительную работу, все службы готовились к предстоящим учениям”.*

“И снова панорама, на этот раз – безбрежное море, на горизонте – остров Крит. Матросы и офицеры в тропической форме. Все готовы участвовать в занятиях по подготовке к предстоящим учениям... *“На проводимых занятиях было обращено особое внимание расчетов управления на использование*

технических средств и взаимодействию с корабельными расчетами. Личный состав групп управления знал технику не плохо, но опыта практического ее использования было мало, хотя они прошли стажировку на крейсере «КИЕВ», но сейчас в реальных условиях требовалось особое внимание”.

“Мы в международных водах, но враг коварен: “В 10.00 крейсер “Южная Каролина” подошла к нам по левому борту на расстояние 300-400 м. Видимо, интерес возобладал над всеми правилами плавания в нейтральных водах, а корабль этот не из малых, и столь близкое расстояние между нами чревато неприятными последствиями”. Наши моряки хладнокровны и решительны, готовы противостоять провокациям: “Идущий у нас в кильватере БПК “ТАШКЕНТ” аккуратно оттеснил любопытного американца (нам предстояло с БПК “Ташкент” пройти долгий путь и этот способ мы еще не раз применим).

В 10.50 над кораблем появились разведывательные самолеты ВВС США “Нимрод” и “Камберра”. Сделали шесть заходов над кораблем на высоте 300-400 метров”.

“Мы мирно готовимся к учениям, но враг не отстаёт: “командир американского крейсера, наблюдая за нами, увидел, что на полетной палубе начали активные перемещения вертолетов, летного и технического состава, видимо убедился, что мы готовимся к полетам, и вдруг поднимает сигнал: “Провожу тренировку ракетных стрельб, измените курс”. Мы не поняли, неужели ему в Средиземном море места не хватает. Вот и ответили, чтобы они не сомневался: “Провожу полеты, курс изменить не могу”. Но дальнейшие споры прекратились, полетов у нас не было, ну, и он, конечно, не проводил никаких стрельб. Как говорят, разошлись мирно. 17.40. крейсер “Южная Каролина” отвернул от нашего курса влево и отстала и тут же в воздухе появился американский патрульный самолет “ОРИОН” . Облет продолжался часа два”.

“Ситуация усложняется, противник показывает мускулы: “По разведанным нам стало известно, что в Средиземном море сформировано 60.1 оперативное соединение американского ВМФ в составе ударных авианосцев “Эйзенхауэр” и “Саратога” и крейсера “Олбани”.

“Мы продолжаем выполнять приказ на учения. Не всё сначала идёт гладко, однако усилиями личного состава проблемы устраняются: “В 10.00 начали подготовку авиационной техники к

полетам. Это были первые полеты с корабля. Очень тщательно отработывали плановую таблицу полетов. По плану в полетах должны были участвовать восемь самолетов ЯК-38. Из ангара было поднято 8 машин. Но чувствуется отсутствие опыта, все как-то получалось неловко: то запоздали с установкой на подъемник самолета из ангара, то не вовремя тягач подошел, словом, на первых порах была какая-то сумятица, но этого можно было и ожидать... словом, “первый блин комом”.

“Противник неустанно следит за нами. Он готовит провокации, но мы тоже не лыком шиты, даём отпор: “в воздухе постоянно находились американский патрульный самолет “ОРИОН” и английский “НИМРОД”. Из бесед с летным составом ТАКР “КИЕВ” мы знали, что такие встречи возможны и что американцы любят устраивать “цирк” в воздухе, нарушая все летные законы. Но одно дело слушать эти рассказы и совершенно другое дело это видеть и ощущать. Приятного мало, да и не к чему. В одном из полетов Юрий Иванович Чурилов показал американцам, что мы тоже не “лыком шиты”, он догнал “НИМРОД” подлетел под “брюхо” обогнал и сделав боевой разворот отвернул, но все в рамках безопасности полетов”.

“Ура, мы не одиноки! Пойми, враг: хоть ты и силён, но мы не позволим тебе хозяйничать в Средиземноморье! “В 21.00 по трансляции “Учебная тревога. По местам стоять, на якорь становиться”. Прибываем в точку № 52 на якорную стоянку.

Впереди нас по курсу на расстоянии 2-3 миль стоит наш “родной брат” ТАКР “Киев”, по левому борту БПК “Ташкент”, по правому борту БДК «Иван Рогов» и танкера “Чиликин” и “Борис Бутoma”, всего порядка десяти боевых кораблей и кораблей снабжения. Крейсер “Южная Каролина” в течение всего дня обходила наш отряд кораблей на расстоянии 0,5-1 каб. Вместе с нами, но на почтительном расстоянии расположилось американское 55 оперативное соединение, из его составе ближе всех к нам стоит английский авианосец “Гермес”. Полное водоизмещение – 28700 тонн, максимальная скорость хода 28уз. На корабле базируется 12 самолетов “Си Харриер” и 7 вертолетов “Си Кинг”... Корабельная авиация принимает активное участие в ходе учений. Вертолеты постоянно уходят в район поиска подводных лодок, иштурмовики отрабатывают задачи нанесения совместных ракетно-иштурмовых ударов. Идет

постоянный поиск новых тактических способов и приемов при совместных действиях”.

“Пора бы и пощекотать нервы читателю/зрителю: “Экипаж вертолета по тревоге занял свои места в кабине и командир интенсивно произвел взлет при ярко освещенной палубе. При сходе вертолета с корабля, командир экипажа потерял ориентировку и, как объяснил летчик «попал в кромешную темноту (не поверил показаниям авиагоризонта) резко развернул вертолет и произвел посадку поперек взлетной полосы. Все окончилось благополучно”;

“в один из моментов, когда в воздухе находилось восемь самолетов на индикаторах систем управления полетами пропали радиолокационные отметки самолетов, но, к большому счастью это длилось очень короткий промежуток времени, и вся информация была восстановлена. Все обошлось без происшествий. Как потом при разборе выяснилось, командир группы РЛС корабля решил самостоятельно без доклада переключить станцию в другой режим.”

“Кульминация сюжета – поиск, обнаружение и уничтожение подводной лодки противника, а также нанесение комбинированных ракетно-бомбовых и артиллерийских ударов по условным целям, что в очередной раз должно показать мощь нашего оружия, высокий уровень волевой и профессиональной подготовки личного состава. “По плану учений вертолеты должны осуществлять поиск ПЛ с использованием выпускаемой гидроакустической станцией (ВГС). Был организован совместный поиск ПЛ кораблями соединения и вертолетами. Вертолеты использовали схему поиска ПЛ способом “гребенка”...Обнаруженную ПЛ этим способом мы “держали” около полутора часов. .. За всеми такими эволюциями постоянно следят корабли США, а тут еще добавляется ЭМ ВМС Италии “Ачитола” при постоянном облете самолетов США, Англии и Франции, не говоря уже о вертолетах. Чувствуется близость американских и английских авианосцев, вертолеты чуть ли не висают над кораблем, что естественно небезопасно. Находимся в постоянном напряжении”.

“Задачи в Средиземном море выполнены, но флаг Родины должен видеть весь мир, поэтому, несмотря на каверзы погоды и постоянное присутствие ВМС противника: “Погода резко изменилась, начался дождь, видимость снизилась до 1 км, подул сильный ветер (до 20 м/с), на палубе трудно удержаться на ногах. В 13.40 начали втягиваться в пролив Гибралтар. На вершине скалы

ФЕНОМЕН ТОМА КЛЭНСИ

гористого берега установлены три батареи 234 мм орудий береговой артиллерии (дальность стрельбы 30 км), зенитные установки и РЛС. Идем в сопровождении двух английских СКР. В 15.45 прошли пролив. Погода холодная, пасмурная иногда идет дождь. К английским кораблям подошел испанский ЭМ “Хорхе Хуан” нагло вошел в наш строй и по пятам следует за нами. Но сопровождающие нас наши корабли стараются оттеснить от нас слишком любопытных. На корабле идет повседневная работа. Летный состав готовится к предстоящим первым полетам в Атлантическом океане...”

Отличный сюжет! Его бы только “гуманизировать” чуточку, для чего надо пообщаться со служившими на упомянутых кораблях людьми и создать выразительные образы героев событий, добавить каких-либо реальных воспоминаний героического и юмористического характера и книга/фильм готовы. Уверен: Клэнси работал по такому же методу, а что мешает нашим “инженерам человеческих душ”?

ШТРИХ ЛАТЫНИ (совсем немного о латыни)

Римское право (с его латынью), ставшее и остающееся основой юридических систем многих передовых государств, предполагает “*Audiat et altera pars!*”, “да будет услышана и другая сторона”. Без этого взгляда второй стороны процесса сложно составить более-менее объективное мнение о предмете спора, конфликта.

После выхода в свет потрясающей (на мой взгляд!) трилогии Толкиена “Властелин Колец” появились подражатели жанру фэнтези и стилю английского профессора, завертелась целая карусель шоу реконструкторов, засуетились киношники. О “другой стороне” забыли, хотя вскоре у нас вышла книга “Последний кольценосец” Кирилла Еськова, излагающая историю Кольца Всевластия с позиций сержанта сил Врага, командира патруля орков. Толково написанная, она в очередной раз показала, что в любой войне – своя правда у каждой из сторон.

Продолжая использование латинских афоризмов в контексте данного издания, считал бы целесообразным упомянуть и “*Praemonitas - praemunitas*”, то есть “Предупреждён – вооружён”. Книжки жанра политического детектива, о которых пишу, это книжки-предупреждения, книжки-сигналы о грядущих событиях. Жители Трои в своё время не поверили предупреждению Кассандры, а когда вспомнили о нём – было уже поздно. Как бы громко они ни славили своего царя Приама, как бы ни хвастали неприступностью стен своего города, хитроумные соседи-греки смогли добиться военного преимущества и победить. Образ Трои легко проецируется на современную историю.

У большинства политиков просто физически не хватает времени на чтение, тем более чтение художественной (да ещё и низкопробной!) литературы. В таком случае, может, попросить об этом аппарат советников?

КАМЕШКИ ЗАВИСТИ

(немного о зависти человеческой)

Давайте честно признаем, что жанр фэнтези возник и развился в западной, точнее, в англоязычной литературе (под “фэнтези” я достаточно широко понимаю все “придумки”, включая альтернативную историю, военную фантастику, антиутопии и т.п. Возможно и даже очень вероятно, что такой подход будет осужден пуристами от жанроведения, но так удобнее не только автору, но и читателю!)

В полнейшем соответствии с одной известной поговоркой: “Голодный завидует сытому, лысый – кудрявому, а бездарь – таланту”, масса авторов на разных языках мира и в различных видах искусства “замахнулась” на фэнтези. Не отстали и наши, украинские, творцы, сделавшие посильный вклад в украинскую современную литературу. В сокращённом варианте на украинском языке этот термин звучит как “*укрсучліт*”, и должен использоваться только в качестве оценного (точнее, “обсценного”) слова. Его сложно применить к творчеству Марины и Сергея Дяченко, Генри Лайона Олди (псевдоним группы авторов), но есть, к сожалению, и другие примеры.

Исходя из названия этой книги и попытки охарактеризовать “феномен Клэнси”, хочу затронуть пласт произведений, авторы которых в той или иной степени претендуют на прорицательство. В ноябре 2007 года газета “Сегодня” (журналист Александр Чаленко) коснулась этой темы: **“Украинские писатели уже опубликовали сценарии того, что ждет нашу страну, если она перестанет существовать как единое целое”**.

Пока наши политики пугают друг друга и населения угрозой раскола Украины, писатели уже всю о нем пишут в своих художественных произведениях. Так, недавно (в 2014 г.) в Интернете на сайте “Искусство войны” опубликован роман “Эпоха мертворожденных” луганского писателя Глеба Боброва, который ранее стал известен своими произведениями на афганскую тематику. В 2008 году он вышел в одном из московских издательств. Но Бобров отнюдь не пионер на этом поприще. У него имеются предшественники — в частности, известный украинский

писатель из Ровно Александр Ирванец, который написал роман “Рівне/Ровно (Стіна)”, и журналист-преподаватель Киево-Могилянской академии Дмитрий Губенко, из-под пера которого вышла повесть “Сходослави”. Там также события развиваются на фоне противостояния двух Украин. Интересно, что благодаря вышеупомянутому произведению господин/пан Ирванец выдвинут на литературную премию “Ангелус”, которую учредил совет польского города Вроцлав для писателей Центральной и Восточной Европы.

Два последних произведения написаны задолго до знаменитого съезда “сепаратистов” в Северодонецке 28 ноября 2004 г. и проникнуты так называемой “западноукраинской сепаратистской идеей” — дескать, отделившись от “русифицированной” Восточной Украины, ее западная часть заживет припеваючи. Эту же идею несколько лет назад активно пропагандировали политологи Олег Хавич, Дмитрий Кублицкий и Влодко Костырко, этой теме были посвящено несколько номеров львовского альманаха “І”. В то время Донбасс мог в этом смысле похвастаться разве что компьютерной игрой, созданной известным донецким журналистом и политологом (ныне покойным) Дмитрием Корниловым на основе игры “Цивилизация”, где между собой сражаются Донецкая республика и Украина...

РІВНЕ/РОВНО (СТІНА). Действие романа “Рівне/Ровно (Стіна)” происходит в 200... году. Где-то — то ли в Харькове, то ли в Донецке — прокоммунистические силы провозглашают создание Социалистической Республики Украины (сокращенно СРУ), армия которой при поддержке российских войск захватывает большую часть Украины (ее правительство успевает эвакуироваться из Киева во Львов). Свободные от оккупации западноукраинские области образуют Западно-Украинскую Республику. Ровенская область также оккупирована. Однако благодаря тому, что на ее территории на Тучинском полигоне проходили военные маневры с участием НАТО, Западное Ровно удается защитить, там образуется анклав, который на постоянной основе защищают всего лишь 200 поляков и немцев, и который связан с ЗУРом Клеванским коридором. Эта часть города расцветает, так как на его территории найдены залежи урана (!). Меняется архитектурный и культурный облик “Західного Ривне”: строится масса гостиниц по типу “Хилтон”, на берегу местных прудов строятся уютные кафе и ресторанчики, а

европейские туристы, прежде чем посетить ЗУР, непременно начинают экскурсию с посещения этого анклава.

А вот другая часть города, как и вся СРУ, стонут под властью коммунистического режима. Продукты и даже такси в СРУ только по талонам, более менее пристойную пищу и спиртные напитки (в частности пиво “Львовское премиум”) можно купить только в коммерческих магазинах, джинсов в СРУ нет вообще, самые классные сигареты — “Космос”, самые крутые тачки — это “Москвичи” и “Волги”. Только партноменклатура пользуется привилегиями. Одна из них (кроме доступа к “Хенесси” и тонику) — получение квартир с видом на “Західне Рівно”.

Из интервью с автором: **“Александр Ирванец: “Тех, кто живет на Юго-Востоке, я не признаю украинцами”**”.

— Как возникла идея написания романа?

— Роман этот писался достаточно долго. Его идея пришла ко мне в 1995 году (закончен в 1999-м), **когда я впервые получил стипендию за границей** (*выделено мною, В.Б.*) Приехал в Германию, причем Западную — в Штутгарт, и уже оттуда прибыл в Берлин, где живет мой товарищ Олаф Мюнцберг. Он немецкий профессор и писатель. Олаф показал мне тогда два Берлина. Хотя Германия к этому времени была и объединенной, но восточная и западная части этого города отличались и архитектурой, и атмосферой. Очевидно, тогда я бессознательно, а может и сознательно подумал: вот такое что-нибудь перенести на нашу почву. Я взял свой родной город Ровно (по-украински его название теперь звучит как “Ривне”. — Авт.), выделил из него западное Ровно, провел по карте карандашом, где бы могла проходить стена.

Это было начало, потом я написал примерно тридцать страниц текста, еще будучи в Германии, и понял, что нужно возвращаться в Ровно и там его писать. Так и сделал.

— А какие-то тогдашние украинские реалии дали ли вам основание написать этот роман?

— В Украине эти реалии лежат прямо на ладони. Каждый из нас хочет, чтобы ему платили, как на Западе, при этом работать хотят, как на Востоке. Каждый хочет, чтобы тротуары были чистыми, без мусора, трамваи ходили по расписанию и так далее, но каждый из нас мало что делает для этого — все мусорят, плюют, а водитель трамвая пренебрегает расписанием. Нужно было взять эти факты и свести их все вместе, что я и сделал.

— Насколько, по-вашему, возможен раскол Украины и ведение каких-то боевых действий между двумя частями Украины?

— Меня часто спрашивают, почему я не напишу продолжения. Отвечаю — потому что продолжения нет. Все замерло, все застыло на все той же точке. Все так же поделено. Дальше продолжает существовать “Західне Ривне” и “Восточное Ровно”, но так же продолжает существовать разделенным на западную и восточную часть любой украинский город — и Житомир, и Винница, и даже Харьков. Насколько возможен сценарий, о котором вы спрашивали? **Украинцы — это не тот народ, который пойдет воевать. Я лично из шкурных интересов, может, и хотел бы этого. Если бы это произошло, то мой роман вышел бы миллионным тиражом, и я сразу обеспечил бы свои материальные потребности, но я, в принципе, знаю, что этого не произойдет** (выделено мною, В.Б.).

— Как, по вашему мнению, можно преодолеть раскол Украины, если вы считаете, что он существует?

— Нужно сделать нормальную границу, в частности на востоке, установить визовый режим с Россией, и у нас будет нормальный безвизовый режим с Европой. Тогда к нам не будут сотнями и тысячами ехать индийские, вьетнамские, китайские мигранты. Тогда мы станем, нормальной, единой державой. Это же и рецепт от внутреннего раскола. Улучшение границы будет способствовать унитаризации государства.

— Считаете ли вы, что под этнонимом “украинец” существуют два разных народа?

— Для меня украинец — это тот, кто говорит по-украински, думает по-украински, любит Украину. Вы можете себе

представить, что эти слова дословно бы сказал какой-нибудь Янукович, Колесников, Ахметов, Азаров, Бойко? Я не слышал этого. Этим и тех, кто живет на Юго-Востоке, я не признаю украинцами (выделено мною, В.Б.). Они, конечно, граждане Украины, и, к сожалению, как и я, имеют ее паспорта. Из-за этого я не могу ездить в Европу без визы, так как они могут ездить в Россию без визы”.

СХОДОСЛАВИЯ. Повесть Губенко “Сходославия” была издана политологом Олесем Донием (сегодня он депутат Верховной Рады, фракция НУНС) в своем журнале “Молода Україна”, N5, 2003г. События в ней разворачиваются в 1991г. и в 2001г. Сразу после путча (ГКЧП в Москве) в Киеве объявлено о создании Украинской республики, которая провозглашает свою независимость. Однако российские демократы во главе с Ельциным терпят поражение в столице СССР, после чего на востоке Украины (в Донецке, Харькове, Луганске, Сумах, Крыму) происходит восстание прокоммунистических сил. В Харькове провозглашена Федеративная республика Украина. Ее армия начинает наступление на УР и доходит до Днепра, где ситуация и стабилизируется. Столица УР теперь в Западном Киеве, а ФРУ — в Восточном. Уровень жизни в УР в 10 раз выше, чем в ФРУ. В последней дефицит всего чего можно и репрессии против украинского языка. В 2001 году начинается новая война. Вначале войска ФРУ наступают на западный Киев, высаживают десант на Подоле, однако, наступление проваливается, войска Украинской республики доходят почти до границ с Россией, но российские войска откидывают их обратно к Днепру.

И ещё одна выдержка из интервью: *Дмитрий Губенко: “Ни про какой раскол сегодня я бы не писал”*.

— Как у вас возникла идея повести "Сходославия"? Что вы ею хотели сказать читателю?

— Эта повесть – проба пера. Она была написана еще в студенческом возрасте, когда я учился на бакалаврате в Киево-Могилянской академии. Над “Сходославией” я работал с 1999 по 2001 годы. Собственно повесть была написана как исторический эксперимент (есть такой жанр, как “альтернативная история”). Просто я хотел поэкспериментировать, чем бы могла закончиться ситуация во время распада Советского Союза в 1991 году, если бы она пошла по югославскому сценарию.

— Насколько возможно, хотя бы примерно, такое развитие ситуации в Украине, которое вы описали?

— **Считаю, что это маловероятно, а фактически – просто невероятно (выделено мною, В.Б.).** Если посмотреть на мой текст, развитие событий начинается в 1991 году, и они коренным образом отличаются от сегодняшней ситуации. Тогда происходил развал одной системы и строительство совершенно иной. Сейчас же Украина является стабильным государством... К сожалению, некоторые украинские политики в борьбе за власть используют региональные различия, которые существуют в нашей стране, натравливая жителей одних областей на других. У меня нет никакого желания содействовать этим опасным политическим играм, поэтому ни про какой раскол сегодня я бы не писал.

— По Вашему мнению, вообще есть раскол Украины или это все выдумки политиков и политологов?

— Раскола Украины нет хотя бы потому, что нет такой разделительной линии как, например, языковая граница между Фландрией и Валлонией в Бельгии, которая делила бы нашу страну на разные, абсолютно отличные, противоположные части. Да, **есть достаточно высокий уровень регионализации, т.е. существуют регионы с разными языковыми, политическими предпочтениями, мировоззренческими убеждениями, но такого раскола "а ля берлинская стена" я не вижу (выделено мною, В.Б.).**

— Считаете ли вы, что под этнонимом “украинец” существуют две разные нации или во всяком случае идет процесс их образования?

— Нет, этноним “украинец” не имеет двух подвидов, потому что у всех региональных групп остается одна основа. Можно

говорить, что есть русскоязычные и украиноязычные украинцы, однако оснований говорить, что это разные этнические общности, я не вижу. Сейчас идет процесс глубокой регионализации, люди объединяются не по этническому принципу. Если посмотреть на обитателей Донбасса, которые имеют всем известные предпочтения, то к ним принадлежат не только этнические русские, евреи или татары, но и этнические украинцы, которые проживают на этой территории. Точно также и в Галичине”.

Сразу же оговорюсь, что мне не удалось ознакомиться с текстами описанных здесь произведений, однако подозреваю, что изданные в Москве книги Березина, Бунтовского, Боброва стали лишь реакцией на опусы Ирванца и Губенко. Газета “Сегодня” цитирует в используемой мною статье президента Киевского международного института социологии, профессора Валерия Хмелько, “который проблему “раскола Украины” изучает с 1994 года, когда во втором туре президентских выборов впервые обнаружилась противоположность предпочтений в двух частях Украины разных кандидатов. Тогда часть центра (без Черниговской, Сумской, Полтавской и Кировоградской областей) и запад отдали голоса Кравчуку, агитировавшему за “розбудову держави”, а юго-восток — Кучме, выступавшему за решение социально-экономических проблем через сотрудничество с Россией и за предоставление официального статуса русскому языку.

“После президентских выборов-94 мы обнаружили связь между пропорцией в регионах голосов за Кравчука и Кучму и пропорцией украиноязычных и русскоязычных украинцев, — заявил профессор Хмелько “Сегодня”. — Но причины различия между регионами в предпочтениях разных языков были выяснены позднее, когда мы выявили значительную распространенность в Украине двойной (украинско-русской) этнической самоидентификации. Наши исследования показали, что считают себя по национальности только украинцами около 61% избирателей, только русскими — около 9%, отчасти русскими, отчасти украинцами — около 25%. В тех регионах, где преобладают моноэтнические украинцы, большинство отдает предпочтение оранжевым, а там, где моноэтнические украинцы в меньшинстве — сине-белым”.

Трудно не согласиться с профессором в том, что “в социально-экономических и политико-правовых ориентациях между жителями разных регионов нет существенных различий.

Людей волнуют в основном экономические и социальные проблемы, но решение этих проблем они склонны доверять только “своим” политикам”.

По словам социолога, “преодолеть поляризацию страны сможет лишь та политическая сила, которая найдет компромиссное решение расхождений в национально-политических ориентациях жителей двух частей Украины”. Много “словесной воды” излито на лопасти политической мельницы Украины с тех пор. Сейчас льётся кровь, но поможет ли она?

(немного о пользе грамотности)

На более высоких уровнях анализа этих данных и принятия решения по ним одного умения читать маловато: нужны ещё ум, смелость и, пусть даже и не патриотизм, а нормальная порядочность по отношению к стране своего пребывания. Каких же навыков и качеств не хватило соответствующим чиновникам (назвать их “специалистами” клавиша “Caps Lock” не поднимается)? Такие генетически вросшие в наш менталитет пословицы, как “главное для петуха – прокукарекать, а утро может и не наступать” или “пока гром не грянет...” могут многое объяснить, но не заметить, не прочесть подобные книги? Не встревожиться при этом, не задуматься? И не взвизгнуть “ах, праааацивные!”, а призвать к противодействию и организовать его? Возможно, помешали политические аффилиации или длительное проживание в расслабляющей Европе.

28

Арсен Аваков, Міністр внутрішніх справ

Хотят ли русские войны?

19 березня 2009, 13:34

“Товарищ, который помогает мне не пропускать книжные новинки, смущаясь и отводя глаза, достал из портфеля книжицу.

– Вот, посмотри, мне показалось, тебе будет любопытно... Да ты не подумай – это фантастика. Хотя и пропаганда, конечно... А затем, видя мое изумление, добавил:

– Скажи мне, ты ж вроде политикой занимаешься, – как же они, суки, такое себе позволяют?! Такого я не видел давно. Да что там! Даже советские, времен Брежнева, лживые агитки о “загнивающем капитализме” хоть как-то базировались на фактах и логике. Это же...

Что объединяет этих людей, кроме, конечно, гонораров, на которые нашли деньги московские издательства во время мирового финансового кризиса? Может быть, социальный заказ?

Все четыре книги изданы в России в этом году (за два с половиной месяца!). 1660 страниц ненависти общим тиражом 25 тысяч экземпляров. Что это?

К чему готовит российского читателя эта серия литературных произведений? На какую целевую аудиторию рассчитаны эти книги? На невежественную молодежь, плохо знающую историю, но привыкшую к американской жвачке? Или на ностальгирующих по молодости и здоровью советских людей, которые заодно проглотят и таблетку российского шовинизма?

Почему так упорно навязывает Россия своим гражданам мысль о **необходимости и неизбежности** войны с Украиной? Зачем именно сейчас и ТАК педалируя дату – 2010 год? Но самый

правильный вопрос мне задал мой товарищ: КАК ЖЕ ОНИ, СУКИ, СЕБЕ ТАКОЕ ПОЗВОЛЯЮТ?!” И правда – КАК?!

19 марта 2009”

Отыскал эти книги и я, вот они:

Георгий Савицкий "Поле боя – Украина. Сломанный трезубец"

Москва: Яуза; Эксмо, 2009, твердый переплет, 284 стр. Тираж 5000 экз. Серия "Война на пороге"

Аннотация на обложке: “2010 год.

ФЕНОМЕН ТОМА КЛЭНСИ

Спровоцировав массовые беспорядки, “оранжевые” нацисты развязывают на Украине гражданскую войну. При помощи “миротворческого контингента” НАТО, под прикрытием американской авиации и бронетехники, западноукраинские каратели с “трезубцем” на погонах начинают истреблять русскоязычное население, стирая с лица земли целые города. Гибнет в огне Полтава, разрушен до основания Днепропетровск. Все Левобережье, Крым и Новороссия поднимаются против оккупантов. Россия помогает бойцам Сопротивления новейшим вооружением, добровольцами и военными советниками... Они ломают проклятый бандеровский “трезубец”! Они покажут натовским “ястребам” “кузькину мать”! Поле битвы – Украина! Это есть наш последний и решительный бой”.

Максим Калашников, Сергей Бунтовский “Независимая Украина. Крах проекта” Москва.:Фолио, Твердый переплет, 416 стр. Тираж: 10000 экз. Синописис издательства: “Десятилетия Советской власти в головы школьников и студентов вбивался тезис о братских восточнославянских народах – украинцах и русских. Такая постановка вопроса не вызывала возражений, и уже для большинства наших сограждан наличие двух братских, но разных народов стало аксиомой. Однако, уважаемый читатель,

если украинцы – это отдельный народ, то попытайтесь тогда ответить на пару простых вопросов. Например, когда появился на свет этот “другой”, нерусский народ? Где он возник? Когда переселился на земли Киевской Руси? На каком языке он говорил? Вроде бы элементарные вопросы, но дать на них ответы оказывается почему-то необычайно сложно. А те ответы, которые нам предлагают украинские национально-озабоченные деятели, в лучшем случае вызывают смех.

Согласно современной украинской мифологии, украинцы – это вовсе не русские, а особая нация, с собственной древней историей, культурой и со своим языком. Этот отдельный народ всегда стремился создать свое собственное государство, но ему постоянно мешали внешние силы. Основная опасность этого

национального мифа – в принятие русофобства в качестве основной национальной идеи и создание образа врага. Причем, врагом воспринимается не только соседнее государство, но и большая часть населения Украины, получившая клеймо внутреннего врага. Соответственно, страна еще больше раскалывается, нарастают противоречия между Западом и Востоком, и если этот процесс не остановить, то Украину может ожидать печальная судьба Югославии”.

Александр Север “Русско-украинские войны”

Москва: Яуза-Пресс, 2009, твердый переплет, 384 стр.
Тираж: 4000 экз. Серия: “Враги России”

Синопис издательства: “Захватив власть на Украине, “оранжевые” проводят откровенно русофобскую, провокационную, враждебную по отношению к России политику. Официальная киевская пропаганда фактически направляет украинцев на русских, безбожно перевирая историю, представляя прошлое наших народов как непрерывную череду русско-украинских войн. Дошло до того, что годовщина печально известной Конотопской битвы 1659 года, в

которой объединенные польско-татарско-украинские силы разбили московское войско, объявлена на “оранжевой” Украине государственным праздником!

А мы предпочитаем отмалчиваться. Мы закрываем глаза на неудобные факты. Хотя давно пора признать очевидное – всегда были, есть и будут две Украины. Первая – подлинная Украина Переяславской Рады, Богдана Хмельницкого и славянского братства – едина с Россией. Другая – лже-Украина мазеп и ющенко – наш заклятый, беспощадный враг. С этой прозападной русофобской Украиной мы не раз воевали в прошлом. И если она победит, если “оранжевые” удержатся у власти – не исключено, что придется воевать и в будущем.

Данная книга – лучшее лекарство от иллюзий и повторения былых ошибок. Это – горестный рассказ о братоубийственных русско-украинских войнах минувших веков. Это – правда о разрушителях славянского братства, о главных врагах подлинной Украины и России: от изменника Мазепы до петлюровцев и

бандеровцев, от украинских националистов XIX века, переписавших начерно историю братских народов, до нынешних “оранжевых” фашистов”.

Федор Березин “Война 2010. Украинский фронт”

Москва: Яуза, Эксмо, 2009, твердый переплет, 576 стр. Тираж: 6000 экз.

Синопис издательства: *“Над всей Украиной безоблачное небо...” И в этом небе безнаказанно хозяйничает натовская авиация. А мировая “либеральная” печать помалкивает о начавшемся вторжении. И нет приказов на развертывание систем ПВО. Но есть офицерский долг и боевая техника советского производства. И есть Россия, которая обязательно придет на помощь...*

Третья мировая война на пороге! Мировой пожар начнется на Украине. Вооруженный конфликт, вспыхнувший в Крыму, грозит перекинуться на всю Европу. И России не остаться в стороне от решающих событий. Главным фронтом будущей войны станет Украинский фронт!”

Нельзя не согласиться с блоггером, что эти опусы объединяет “Плохой стиль, дешевый по-американски схематичный примитивный сюжет, по-российски великодержавный шовинизм, ненависть и презрение в каждом слове. Наша будущая история – как Великая Россия спасает (попутно захватывая, как водится!) глупую и ничтожную Украину...” Не совсем приемлемы только его слезливые причитания: **“Федор Березин** – ныне живущий в Донецке – профессиональный военный, капитан Советской Армии и писатель-фантаст с именем! Пишет в жанре боевой фантастики.

Произведения Фёдора Березина издавались в известных сериях “Звёздный лабиринт” и “Российская боевая фантастика”.

Знаю Федора лично! Он получал премии на нашем Харьковском фестивале фантастики “Звездный Мост”. Как можно было дать втянуть себя в такое???”

А вот здесь, пардон, футбольное: “не забиваем мы – забивают нам”. И ведь “забили” (в правильном смысле этого

слова!) обе команды: посмотрите телевизионные новости, счёт маленьким не покажется.

И ещё о заметках. Когда 12 апреля 2013 года журналист и краевед А. Иванов и писатель и публицист С. Бунтовский из Донецка презентовали в Луганске свою книгу **“Донбасс: Русь и Украина. Очерк истории”**, они хотели, скорее всего, показать подлинную историю края. Журналист Константин Скоркин отреагировал на это 15.04.2013 г. репликой **“Потребители ненависти: для кого пишут книги украинские историки и публицисты?”** Позволю себе обильно процитировать автора, ибо его взгляды мне понятны, пересказывать их неправильно: ещё исказишь, а сам так написать не могу: *“С тех пор, как выходец из Донбасса стал Президентом Украины, интерес к нашему краю в стране вырос. С одной стороны, по вполне понятным политическим причинам, количество негативных стереотипов по отношению к Донбассу выросло еще больше, с другой – появилось и стремление понять Донбасс, как некую особую общность, разобраться в его социокультурных особенностях. Поэтому любая работа, посвященная осмыслению “исторической миссии” Донбасса, вызывает интерес. К сожалению, чаще всего подобные писания оказываются скорее пропагандистским продуктом, чем объективным исследованием...”*

...Например, 12 апреля в Луганске гости из Донецка презентовали книгу “Донбасс: Русь и Украина. Очерк истории”. По мнению авторов – журналиста и краеведа Алексея Иванова и писателя и публициста Сергея Бунтовского, эта книга должна развеять стереотипы вокруг Донбасса и показать его подлинную историю, очищенную от лжи и клеветы недоброжелателей (проживающих, по их мнению, в основном в Западной Украине).

На презентации один из авторов книги Алексей Иванов говорил о вещах весьма правильных. О том, что история страны – это, прежде всего, история ее различных регионов. В Западной Украине она описана подробно, а вот Донбасс отстаёт и потому проигрывает в гуманитарном влиянии на культурную политику в стране.

Действительно, изучение истории регионов – это тренд мировой исторической науки. Современные историки все более отходят от нарратива создания “общенациональных” концепций и все пристальнее уделяют внимание малой, локальной истории. Актуальной для Донбасса, как пограничной территории, например,

является концепция “многослойных контактных зон”, созданная американскими историками для более адекватного изучения “Дикого Запада”. Эта концепция рассматривает историю как взаимодействие и взаимовлияние различных культур, неизбежное в ситуации пограничья. В центр изучения, таким образом, ставится не однообразие и унификация, а разнообразие и многовариантность. При таком рассмотрении Донбасс становится не куском Великороссии, насильственным отторгнутым от фатерланда, и не “неправильной, русифицированной” частью Украины, а самобытным регионом, фронтиром различных цивилизаций.

Однако справились ли авторы с заявленной благородной целью? Даже беглое знакомство с 380-ти страничным томом показывает, что нет. Если первая, “историческая” часть книги представляет собою набор краеведческих очерков, собранных без особой четкой структуры и концепции (например, стыдливо пропущен период сталинских репрессий в Донбассе, нанесший огромный удар, в частности по этническому многообразию края), то вторая, “публицистическая”, посвящена “разоблачению фальсификации истории украинскими националистами”. Тут уже о Донбассе речи не идет – сплошной набор фельетонов о Мазепе, Бандере и других нелюбимых нашими пророссийскими радикалами персонажах украинской истории. Названия глав напоминают матерый советский агитпроп – “Кровавый путь националистов”, “Униаты как раскольники украинской религиозной жизни”, “Украинский национализм – враг Украины” и т.д. Все в духе сочинений небезывестного Олеса Бузины, впрочем, лишенных свойственного этому автору полемического задора. Читать этот бред не зачем и не к чему.

Объясняя противоречие между озвученными благими намерениями и получившейся на выходе пропагандой под обложкой, в беседе с автором этих строк Алексей Иванов сказал: “Печально, но в Донбассе противников украинского национализма больше, чем патриотов Донбасса. Поэтому для того, чтобы привлечь интерес к нашей работе, мы писали о том, что интересует людей. Нам сильно навязывали при Ющенко националистическую версию истории, и мы должны были ответить”.

Достаточно ценное признание – ведь любимым обвинением русофилов в адрес своих оппонентов является то, что они “не за Украину”, а против “москалей”. Авторам книги можно

адресовать то же обвинение – вы не за Донбасс, вы против Украины, поскольку проявлениями “украинского национализма” маркируется практически весь спектр украинской истории, политики, культуры (все, что развивалось вне влияния “старшего брата”).

Возвращаясь к сказанному А.Ивановым про специфику донбасского читателя, поспешу его успокоить – с такой же проблемой сталкиваются и его идеологические оппоненты. Корреспондент одного популярного украинского национал-патриотического издания делился в кулуарах - “Понимаешь, если в статье не будет про “руку Москвы”, москалей, “донецких” и тому подобного, наши читатели нас не поймут, это просто не будут читать”.

Я сейчас легко мог бы написать о том, что книгу донецких авторов проплатила Москва (тем более, что ее соавтор С.Бунтовский – активист пророссийской организации “Донбасская Русь”), они, прочитав мой текст, пришли бы к выводу, что статью проплатили из “вашингтонского обкома”. “Работа у нас такая”. И этот бесконечный пинг-понг длится уже который год. Пожалуй, в этот раз подачу пропущу. Потому что хочется сказать о другом.

Если Иванов у себя в Донецке ориентируется на читателя, который исходит пеной от всего “свидомого”, если условный пан Іванів у себя в Тернополе ориентируется на публику, ненавидящую “москалей”, то в итоге гуманитарная интеллигенция занимается пестованием «потребителей ненависти». Человек ждет книгу, из которой он почерпнет очередную порцию злобы на своих, как ему кажется, врагов, как наркоман усваивает очередную дозу. И публицист, историк, писатель выступает в этом процессе в роли наркодилера, протягивающего «доброй рукой» чек героя.

Разумеется, на сеяние зубов дракона есть и внутривполитический запрос, и внешнеполитический. А запрос, как правило, оплачивается. И я готов поверить в реальность компромисса, когда на бюджет, выделенный на очередной памфлет против националистов, издается книга, в которой можно найти много полезной информации о Донбассе. Однако все же это путь в никуда.

Роль интеллектуала в современной Украине упала уже ниже плинтуса. И все, потому что мы беспрерывно идем на разного рода компромиссы – от “чего изволите” до “сделаю вид”. Себя не

исключая из общего процесса. Мы как-то не заметили, что собственно интеллектуальная жизнь ушла в частное пространство, в бложики и беседы “об умном” в кафешках и на кухнях, а весь публичный дискурс проплачен тупыми и алчными политиками.

Сегодня уже ясно, что унифицировать Украину не получится – ни по “националистическому”, ни по “донецкому” образцу. Поэтому из страны пытаются слепить сегрегированные бантустаны, в одних будут сидеть рычащие от злобы донбасяне, в других – вопящие от бешенства «бандеровцы». История учит, что никакой социум, основанный на хрупком гражданском мире между ненавидящими друг друга общинами, долго не выстоит. Все закончится резней, уже не на книжных страницах.

Сегодня мир, точнее, та его часть, которая хочет жить по-человечески, без этнических чисток и террора, движется в сторону интеркультурности – то есть, поиска общих ценностей для разнородных обществ, признавая ценность разнообразия, развитые социумы ищут путь к гармонизации общественной жизни путем поиска общих идеалов. Не путем “перековывания”, «переламывания через колено», навязывания ценностей одной группы другой, а именно сосуществования. Вот поиском этой формулы и должны заниматься интеллектуалы, вместо сеяния вражд, и превознесения своих кумиров, путем топтания чужих знамен.

И для того, чтобы найти это общее, мы должны внимательно и бережно изучить частное и локальное, узнать, как жили и живут люди в Донбассе, Галичине, Крыму, Приднестровье. А вышибать зубы дубинами мифологем – это путь в пропасть.

ДОНбасс Константин Скоркин

Эта запись написана автором Константин Скоркин, 15.04.2013 в 12:41, и размещена в категории Скоркин Константин, Статьи”.

Понимаю, что затягиваю главу, но как не привести мысль московского критика Олега Кудрина, высказанную им под заголовком “Украина – поле боя”: как российская фантастика куёт шовинистов“ в апреле 2014 года:

“Крупнейшее издательство России начало новую серию жанровой, развлекательной литературы “Украина – поле боя. Фантастический боевик”.

Показательно само время ее появления. В конце марта – начале апреля оперативно вышли книги “Украинский фронт. Красные звезды над Майданом” Федора Березина, “Поле боя – Украина. Сломанный трезубец” Георгия Савицкого и “Украина в огне” Глеба Боброва.

Написаны эти романы будто под копирку, сюжеты очень похожи. Достаточно познакомиться с издательской аннотацией одного, чтобы получить представление обо всех: *“Самый актуальный фантастический боевик от автора легендарных “Красных звезд”! Отчаянно “неполиткорректный” роман, запрещенный “свидомитами” в Киеве! Третья Мировая война на пороге. Глобальный пожар начнется на Украине. Вооруженный конфликт, вспыхнувший в Крыму, грозит перекинуться на всю Европу. И России не остаться в стороне от решающих событий. Главным фронтом будущей войны станет Украинский фронт! Будут ли по Майдану маршировать натовские “миротворцы” – или над “Матерью городов Русских” вновь взойдут Красные звезды?”* (Все это – о романе дончанина Березина).

Показательна финальная глава указанной книги “За сотрудничество с оккупантами”. Главные положительные герои деловито обсуждают, когда, где и с какой табличкой на груди нужно будет казнить – через повешенье – главного негодяя Данилу Парфенюка: *“Я понимаю, мы тут все не палачи, но добренькими мы были несколько поколений. Потому дрянь приняла это дело за слабость. В большой мере, конечно, так оно и было. Теперь придется проявлять силу”*.

Сами за себя говорят названия последних глав романа Георгия Савицкого: “31. Операция “Сломанный трезубец”. 32. “Свободная охота”. 33. Звериный оскал “демократии”. 34. Штурм. 35 Вторая “Переяславская рада”.

Стоит отметить, что пока все три книги новой серии – **переиздания** (выделено мною, В.Б.). Впервые они были изданы еще в 2009-12 годах (“после того” не обязательно означает “вследствие того”, однако в 2008 году на саммите в Бухаресте тогдашний премьер Путин впервые решительно сказал об Украине как о *failed-state*, то есть, как о стране-неудачнице). Тогда на книжном рынке России был зафиксирован всплеск разножанровой литературы, фантазирующей на тему войны на территории Украины...

...Для тех, кто слабо знаком с жанровыми особенностями фантастической литературы, стоит уточнить детали. Так

называемая “боевая фантастика” – один из популярнейших ее поджанров. Ориентирован на мужчин молодого и среднего возраста с брутальными вкусами. То есть именно на ту категорию людей, из числа которых при необходимости вербуются так называемые “политические туристы” для практической дестабилизации ситуации в избранных соседних странах... (Припоминаете “вежливых”, “зелёных” и пр. “человечков” на фоне Крымских гор и донецких терриконов?)

...Для романов российской “боевой фантастики” характерны имперскость, агрессивность, милитаризм, советский реваншизм, вплоть до шовинизма. Вот, например, названия романов трилогии “Война 2030” Федора Березина, вышедшей в серии “Война. Имперский генеральный штаб”: 1. “Флаги наших детей” (на обложке солдаты в зеленой форме без опознавательных знаков устанавливают флаг СССР на фоне горящих Капитолия и Статуи Свободы, книга удостоена премии Сергея Павлова “Лунная радуга”-2009). 2. “Пентагон должен быть разрушен!”. 3. “Развалинами Пентагона удовлетворен!”

В целом, все указанные авторы известны своими ультра-консервативными взглядами... Данные литераторы регулярно называют своих оппонентов “фашистами”, “нацистами”. При этом логики их самих грешат проявлениями откровенного расизма...

...Подобные факты помогают понять, как кремлевской пропаганде удалось убедить большую часть населения России, что украинцы в значительной степени больше не братский народ, что им нужно помочь самоочиститься от “свидомитов”, что война на территории Украины – это нормально. Всё это – работа не только последних месяцев, но и последних лет. Именно поэтому образ врага у многих россиян удалось сформировать так быстро и эффективно...”

Несколько лет назад названными книгами всё-таки заинтересовались в Украине, их ввоз в страну был якобы даже запрещён, однако пресс-офицер спецслужбы М. Остапенко этот запрет отрицала. Это же подтвердили и на таможне. Остапенко признала, что сотрудники СБУ “обязательно поедут и купят эту книгу (книга дончанина Бунтовского и бывшего одессита Калашникова “Независимая Украина. Крах проекта”, В.Б.). Затем передадут на экспертизу, которая выяснит, призывают ли авторы нарушать суверенитет Украины. Если ответ будет положительным, не исключая, что будет возбуждено уголовное дело”.

“Эти книги — одна из форм идеологической агрессии и нарушение суверенитета страны. Считаю, что правительство обязано отреагировать на подобные факты”, — полагает нардеп из НУНС Юрий Ключковский. Сам Березин себя “агрессором” не считает. “Кремль мне ничего не заказывал, — сказал писатель. — Я как коренной житель Украины и бывший офицер очень обеспокоен процессами, которые происходят в нашей стране, и потерей ее обороноспособности. Своей книгой я хотел в художественной форме предупредить о грядущих опасностях”.

САМОЦВЕТ

(колористика родины)

Номо sapiens – “человек разумный” – отличается прежде всего наличием сознания. Сознание – это знание и логическое мышление в контексте живой, чувственно-волевой, активной деятельности всей сферы психического. Сознание неразрывно связано с языком, и это образует органическое единство с мышлением, так как одно без другого не существует⁴. В психолингвистике различают “сознание когнитивное” и “сознание языковое”. Когнитивное сознание формируется в результате познания субъектом окружающей действительности, представляя собою знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности (когниции) субъекта. Языковое сознание рассматривается как механизм управления речевой деятельностью. Языковое сознание формирует, хранит и преобразует языковые знаки, правила их сочетания и употребления, а также взгляды и установки на язык и его элементы⁵.

Язык как зеркало культуры отражает в сознании человека все представления мира, все изменения в ментальности своего или иного народа, поэтому важным вопросом для нашего исследования является семантический анализ слов, ставших концептами, интерпретация которых особенно актуальна сегодня в свете политических изменений и изменений общественной системы ценностей. Это – концепт «родина» и непосредственно связанная с ним бинарная оппозиция “родной”, “свой”, “коренной” – “иной”, “чужой”. Поскольку в качестве иллюстративного материала используем тексты Тома Клэнси как на английском, так и в их переводе на русский, то постараемся уделить внимание национально-культурному своеобразию компонентов значения этих слов. Для этого используем словарные дефиниции и

---

⁴ Розенталь М.М. Философский словарь. – М.: Изд-во политической литературы, - 1975. – 495 с. 1,с.259;

⁵ Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. – Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1979.- 83 с.

описательные толкования одноязычных и этимологических словарей.

Концепты и их лексические выражения в разных языках отличаются объёмом, структурами и ассоциациями. Например, слово “родина” в русском языке (синонимы “отечество”, “отчизна”, в украинском – “батьківщина”, “вітчизна”) в английском передаётся словом “homeland”, состоящим из двух слов “home” и “land” или другим сложным словом “motherland”, в состав которого входят существительные “mother” и “land”. В немецком языке - передается как одним словом “Heimat”, так и сложным словом “Vaterland”, состоящим из двух слов “Vater” и “Land”.

В.Даль для лексемы “родина” называет три значения: 1-е – “родная земля”; 2-е – “место рождения”; и 3-е – “государство”, где кто-то родился, а также город, село. Для понятий “отчизна” и “родная земля” даются четыре значения: “1-е – где кто-то родился; 2-е – корень, земля народа, к коему кто-то по рождению, языку и вере принадлежит; 3-е – государство в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле; и 4-е значение – второе отечество, где выходец поселился, приняв подданство или прочно навсегда водворившись⁶”. “Большая Советская Энциклопедия”, наряду со значениями “отечество”, “отчизна”, “страна”, в которой родился человек, приводит и значение “исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, общественным и государственным строем, особенностями языка и культуры, быта и нравов⁷”.

Считаем важным отметить наличие в словарях немецкого языка интересной семантической коннотации, связанной с восприятием родины: “чужая страна, чужая местность, где после некоторого времени чувствуют себя хорошо”; “страна, к которой чувствуешь себя принадлежащим ”; “где очень долго прожил, где он чувствуешь себя дома”; “где чувствуют себя хорошо”; “окрашенная чувством тесная привязанность к определенному месту”^{8 9 10}.

⁶ Даль В. Толковый словарь великого русского живого языка. – М., 1969;

⁷ БСЭ, Гл. ред. А.М.Прохоров. – Т.22. – М.: Советская энциклопедия, 1975;

⁸ Handwörterbuch der deutschen Sprache in zwei Banden. – Berlin Akademie Verlag, 1986 [Настольный словарь современного немецкого языка: В 2-х томах;

⁹ Duden. Wörterbuch [Словарь значений немецкого языка]. – Bd.10. – 1979;

¹⁰ Langenscheidts Gro.wörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. (Большой толковый словарь немецкого языка) – М.: Март, 1998. – 1248 с.

Этимологически слово “родина” в русском языке исходит от общеславянского “род”, “отечество” – от “отец”. В английском языке это понятие может быть передано также словосочетанием существительного с прилагательным “native land” и “native country”, соответствие которым в русском языке обозначается как одним словом “родина”, так и аналогичными словосочетаниями “родная земля”, “родная страна”. В немецком слове “Vaterland” сочетаются слова “Vater” и “Land”, в английском же – чаще “mother” и “land”. Английскому слову “Homeland” ближе немецкое “Heimat”, как более нейтрально окрашенное.

Русское слово “свой” образовано от общеславянского в значении “особенность, лицо”. Основным в определении “родной” является в русском языке “свой по рождению, духу, совместной деятельности”. Это понятие связано и с общепринятой символикой своего и чужого пространства, пределов, границ своего мира. Бинарная оппозиция “свой – чужой” передается во многих языках не единственным словом, а синонимическим рядом: например, в русском – “свой”, “родной”, “чужой”, “иной”, “другой”, “(ино)странный”, в английском “native”, “own” – “foreign”, “alien”, “strange”, в украинском – “свій”, “рідний” – “інший”, “чужий”. Немецкое слово “eigen” происходит от старонемецкого “eigan” (англ. own). “Eigen” имеет также значение “своеобразный, собственный”. Слова-синонимы “heimisch” и “einheimisch” в значении “свой”, “родной” употребляются по отношению к населению, а в значении “отечественный” – по отношению к продукции.

Что же до второй части оппозиции, то украинский толковый словарь так определяет существительное “чужинець”: в 1-м значении – “громадянин, підданий чужої держави, країни, іноземець, чужоземець, чужак”; английский “foreign” – 1-е: “что-то или кто-то, пришедшие или не относящиеся к твоей стране”; “alien” – “чужестранец, иностранец, проживающий в этой стране, подданный другого государства”; “fremd” в словаре значений Дудена – 1-е: “принадлежащий другой стране или народу”. Таким образом, в первом значении ключевым для определения “чуждости” является граница, отделяющая государства, территории, а вместе с ними и народы, принадлежащие к ним.

Второе значение в украинском языке – “чужа, нетутешня, захожа людина, далека від кого-небудь своїми поглядами, духом”; в английском – “strange” – “странный”, “необыкновенный, чудной”.

2-е значение слова “fremd” в немецком – “далекий», “непривычный”, “неизвестный”; и 3-е – “непривычный”, “незнакомый”. Немецкое же слово “fremd” означало “entfernt” – “далекий, отдаленный”, то есть изначально подразумевая дистанцию по отношению к другой стране, месту, народу, языкам. “Fremde” – “чужбина” используется часто как антоним родины.

Английское слово “native”, хотя и переводится как “родной”, используется же, скорее, в значении “коренной”: так, 1-е значение: “человек, родившийся в городе, стране, которые связаны с его рождением”; 2-е значение: “человек, который отличается от эмигрантов, проживающих по месту службы (учебы) гостей, туристов из других стран”. И 3-е: “когда человек по происхождению относится к другой культуре”. Оно ассоциируется также с местом и обстоятельствами чьего-либо рождения. В украинском “корінний” по отношению к населению зафиксирован как: 1-е – “споконвічний, постійний” и 3-е – “який стосується основ чого-небудь, істотний, головний, основний; кардинальний, докорінний”.

Приведенные краткие примеры демонстрируют наличие у слов-концептов “родина”, “свой”, “чужой” как положительной, так и отрицательной стилистической окраски. Анализ эволюции элементов значения этих лексических единиц целесообразен только на фоне их использования в текстах художественной и специальной литературы. Именно такой анализ позволит выявить широкие и узкие коннотации, положительные и отрицательные ассоциации, внутреннее восприятие их авторами текстов.

В рамках нашего исследования с текстовыми примерами на двух языках важную роль имеет и принцип подхода к использованию в переводе материалов словарей; их применения для адекватного отражения различных и тождественных понятий в разных языках; улавливания и правильной передачи переносных значений, связанных с символами и национально-культурными реалиями; верного выбора языковых единиц для описания событий, зачастую происходящих в “другом” мире с “другой” системой ценностей.

В процессе исследования языкового сознания народа, его языковой памяти можно установить, в каком реальном, “психологически достоверном” наборе семантических компонентов то или иное значение существует в сознании народа, хранится в его языковой памяти, в каких отношениях по яркости и актуальности

находятся между собой отдельные смысловые компоненты, образующие семантику слова, каковы реальные смысловые связи слов и структур в языковой памяти человека¹¹. Всякое слово, услышанное, произнесённое, прочитанное есть сигнал связи с тем или иным денотатом, вызывающий у реципиента определённый ряд ассоциаций. При всей индивидуальности этих ассоциаций, они могут быть (и бывают) одинаковыми у многих разных людей, отражая таким образом объективные условия существования тех или иных общественных групп. По мнению Р.М.Фрумкиной, ассоциация - это связь между некими субъектами или явлениями, основанная на нашем личном, субъективном, опыте. Опыт этот может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, но всегда является также и сугубо личным, укоренным в прошлом опыте отдельного человека¹².

Обобщённые ассоциации представляют собой жизненно важные для социума концепты, одним из которых есть “страна, государство, родина”. Рождение и проживание на определенной территории достаточно прочно привязывают человека к этой земле, поэтому понимание данного обстоятельства объясняет тесную связь двух концептов: государство и родина.

В понятийном поле концепта находится семантический ряд слов-синонимов: держава; родина; страна; отчизна; отечество; возможно даже республика. В лексическом значении слова государство, кроме семы “страна” имеются семы “политическая организация”, “правительство”, “власть”, “охрана порядка”, и такие ассоциаты, как закон; власть; политика; правительство; парламент; система и аппарат управления; экономика; флаг; гимн.

Эмоционально-оценочный компонент рассматриваемого концепта содержит такие ассоциаты, как независимость, суверенность, свобода, сила, мощь, величие. Главной функцией государства должна быть забота о своем народе, его защита; оно также должно нести ответственность за свои решения; у каждого государства должна быть своя конкурентоспособная денежная единица. Государством, которому присущи все перечисленные

---

¹¹ Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2003. – 191 с., с.43

¹² Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М.: Академия, 2001. - 320 с., с. 289

признаки, можно по-настоящему гордиться, оно обязательно будет любимым.

Прогресс когнитивной лингвистики привёл к возникновению в её научном аппарате понятия “макроконцепт”, который сложнее простого “концепта” по структуре, имеет более высокую эмоциональную и лексическую насыщенность. Входящие в него языковые единицы настолько плотно систематизированы в “теле” макроконцепта, что смысл каждой из них частично утрачивает свою силу. Создавая макроконцепт, автор художественного произведения (в нашем случае – текста) наполняет его ассоциативными полями и когнитивными нюансами, характерными только для его языковой личности. Он фиксирует и отражает в нём собственное отношение к социокультурным реалиям и ценностям, что и составляет особенность авторского идиолекта, его лингвоментальность.

Намеченное нами рассмотрение “феномена Тома Клэнси” будет неполным без описания сущности, структуры и функциональной нагрузки макроконцепта “родина”. Вполне естественно, что основой для понимания, оценки и толкования избранных автором для создания макроконцепта языковых единиц во многом станут биография и жизненная позиция самого Тома Клэнси, а также исторический, экономический и военно-политический фон периода написания им большинства своих романов.

Ранее (см. *“Перо и штык политического детектива”*) я уже останавливался на таких концептах, как “война”, “противостояние”, бинарных оппозициях “верность долгу-предательство”, “свой-чужой” и др. Все они включаются автором в смыслокомплекс макроконцепта “родина”, дополняя и расширяя его содержание. Необходимо отметить и внимание, уделяемое автором предметам и реалиям материального мира противостояния двух социальных систем, деятельности спецслужб в частности (описание подробностей слежки, способов связи и т.п.). Эти индивидуальные понятия, ассоциации и смыслы органично входят в ядро макроконцепта.

Главным источником противоречий, конфликтов и войн есть потребности человека. Эти потребности многочисленны и многообразны, они присущи как отдельным личностям, так и целым народам, государствам. Одна из важнейших среди них – потребность иметь свою пространственную и духовную

территорию. Борьба за это право ведётся в мире постоянно, поэтому не стоит забывать и о психо-эмоциональной стороне концепта с описаниями чувства долга и ответственности, мужества и героизма, страха и душевных мучений, боли утрат. Эти составляющие значительно расширяют когнитивные границы исследуемого явления и обуславливают его приоритетность в произведениях Тома Клэнси, навязывая сознанию читателя необходимость защиты родины от посягательств, то есть от войны, от врага, который несет угрозу мирному существованию не только государства, но и мира в целом.

Необходимо упомянуть и бинарную оппозицию “свой-чужой”. В своих произведениях Том Клэнси далеко не всегда подаёт её в примитивном чёрно-белом варианте. Для его творчества характерно наличие персонажей, откровенно сомневающих в правоте своей стороны, осознанно готовых к сотрудничеству с противником. Всегда ли это предательство – рассмотрим ниже.

Поэт Андрей Вознесенский сказал: “...Но не консультируйте, как любить мне родину”. Он имел в виду понятие всего близкого и дорогого ему, но не обязательно “нечто вневременное, внеисторическое, вечное и абсолютное, трансцендентное, непререкаемое и необсуждаемое, как Бог в доктринах крайних тоталитарных сект”¹³. Историк Карамзин создал концепт “Вечной России”, который успешно и почти без изменений переключался в последующую историографию, требуя единого канонического Учебника Истории, с чётко прописанными почестями для героев и анафемой и карами для предателей.

В массовом сознании населения создан и постоянно стимулируется рефлекс отрицательного отношения к “изменникам родине”. Этот рефлекс иррационален и необсуждаем, хотя любой человек, мало-мальски знакомый с историей, согласится, что череда “предателей” богата известными личностями: князь Владимир, предавший религию предков ради христианства; Александр Невский, активно сотрудничавший с Ордой; Иван Грозный, причина Смуты; патриарх Никон, автор реформы, приведшей к расколу в церкви и в государстве; Пётр Первый,

---

¹³ Алексей Широпаев, опубликовано в издании Русская фабула

казнивший обвинённых им же в измене стрельцов. Список этот долог...

При Александре Первом Благословенном во время заграничного похода русской армии, дезертирство по причине желания осесть в более свободной Европе стало массовым явлением. Этих безвестных людей многие по сей день считают предателями, а они просто хотели освобождения от крепостничества и развития капитализма. Есть логика? Если и есть, то лишь одна — номенклатурно-кастовая. Представителям высшей, господской касты предавать родину можно, а холопам — ни-ни. Но они ушли, остались — и правильно сделали, ибо исходили из своих интересов, из своих представлений о родине, о Руси.

Родина — это не монополия власти. Родина всегда альтернативна и многовариантна и ни цари, ни их советские и постсоветские наследники не обладают монополией на эти представления. Разные представления о родине в конечном счёте приводят к наличию физически разных родин. Именно потому сейчас многие российские русские видят свою истинную родину, Русь, в Украине, тогда как Россия представляется им государственно-историческим продолжением Орды.

Представитель древнеиудейской номенклатуры Савл, жестокий гонитель христиан, однажды услышал голос Истины и стал апостолом Павлом, неся Любовь в сердца людей античности. Предатель ли он?

Герои произведений Тома Клэнси Рамиус (“Охота за “Красным Октябрем”), Зайцев (“Красный Кролик”), Филитов (“Кремлёвский Кардинал”) предают свою родину, предают страну. Однако родина — для всех разная, и нет никакой единой для всех вечной и навсегда данной, неизменной родины. Она исторична и культурно-социально обусловлена. Одна родина у народа, другая — у номенклатуры. Именно номенклатура создавала в сознании народа образ родины и учила, как эту родину любить. Формула номенклатурного патриотизма проста: любить родину — значит любить власть, всё остальное — вероломство, предательство, измена родине.

Здесь впору упомянуть о ещё одной бинарной оппозиции: “родина - родина”. И я не ошибся. Существуют два образа родины: номенклатурный, отождествляющий в себе территорию и тип власти; и живой, включающий в себя традиции, культуру, быт, уклад жизни. В Тунисе мне пришлось увидеть православные храмы

и кладбища, русские школы. Моряки Черноморской эскадры, не пожелавшие большевистской диктатуры, покинули родную землю, но унесли с собой и воссоздали на берегу далёкой мусульманской страны свою культуру, свои обычаи, свой быт, то есть – РОДИНУ. Они сумели найти ТАМ утраченное ЗДЕСЬ.

Монументальный образ номенклатурной родины, изваянный из камня, бетона или металла довлеет над населением. В лагере номенклатуры меняются лица и флаги, но неизменными остаются её принципы и внутренние интересы. Ярлыки предателей и святых выдаёт именно номенклатура. Из ярма ложного патриотизма можно вырваться, только начав осознавать свои собственные подлинные интересы, став гражданином. И если ты предал предателей, то предатель ли ты?

Затронутая тема концепта “родина”, бинарной оппозиции “свой - чужой” только на первый взгляд выдаётся сухой теорией для очкастых филологов. К сожалению, мы стали не только свидетелями, но и участниками масштабного противостояния убеждений, идей, верований. Наше достаточно непрофессиональное и беспринципное ТВ ежедневно демонстрирует боевые стойки, которые принимают представители тех или иных групп населения при словах “советский” и “национальный”, “Ленин” и “Бандера”. Церковный раскол в стране имеет серьёзные масштабы. Налицо возрождение на наших границах известного с XIX века уваровского подхода: “самодержавие, православие, народность”.

Цивилизационный выбор – за нами. В любом варианте он потребует мягкого демонтажа национальной государственности, а это означает социальное проектирование в новых глобальных условиях, то есть, смену привычного для многих концепта “родина”. Современная Европа есть новое по сути цивилизационное образование. Замысел объединенной Европы, как новый социум, – это синтез англо-саксонской и романо-германской культур, которые “ожидают” и славянский компонент, славянство как источник исторической памяти, исторического опыта, тип социальной организации, участника синтетической европейской цивилизации.

Миф о том, что славянство как концепт и как социокультурное качество принадлежит только русским и что славянская идея привязана к интересам русского государства и соответствующим историческим спорам, связанным с Россией,

отживает, если не отжил. XIX век – век великой Российской империи, с господствующей русской политической нацией и доминирующей русской культурой – прошёл. Он унёс с собой период расцвета, взлета русской мысли, политического взлета государства, господства панславянской идеи как русской имперской идеи. Советская империя XX века – доминирование тоталитаризма, заменившего понятие национальности идеей “новой исторической общности – советского народа”, стала фазой заката имперской русской модели.

Какой будет социальная модель развития России? Многонациональное государство-общество с характеристикой политической нации “российский народ” (В. Путин), или русская нация как лидер союза национальных формирований? Чешский историк Франтишек Дворник писал: “...идея славянского единства отнюдь не зарождается, как это часто принято считать, в XIX веке в среде русского панславистского движения. Она жила с самого начала истории славянских народов и продолжала существовать на протяжении Средних веков вплоть до Нового времени”¹⁴ (“Славяне в европейской истории и цивилизации”).

Украина как одно из славянских государств может претендовать на роль активного соорганизатора “славянского мира” в рамках молодой европейской цивилизации. Мы входим в эпоху конкуренции культурных миров и конкуренции историй. Украине нужна новая культурная политика – как средство реализации своей миссии в рамках идеи “славянского мира” в Европе, политика, которая обязательно приведёт к изменениям в смысловом поле макроконцепта “родина”.

---

¹⁴ Дворник Франтишек “Славяне в европейской истории и цивилизации”

КУСОЧЕК СЕРОЙ ГЛИНЫ

(заметки о знакомом рисунке)

Итак, “измена родине”, “предательство” – грех тяжкий во все времена, однако, описывая ту родину, которой в романах Клэнси изменили советские граждане, автор старается объяснить читателю, что НЕ изменить ей нельзя. Вот почему столько внимания Клэнси уделяет описанию недостатков Советского Союза, влияющих на формирование личности потенциальных изменников “*в государстве, изобилующем ложью, где ложь превратилась в высшую степень искусства*”([с. 20], здесь и далее цитирую по “Красный Кролик”, Том Клэнси “Красный кролик”: Эксмо; М; 2006, 398 стр. ; образцы вербализации названных выше концептов выделены в текстовых примерах мною, В.Б.).

Материальную основу жизни населения формирует экономика. “**Командно-распределительная система**, на которой стоял этот **дряблый колосс**, означала, что каждый завод — и каждый директор завода — имел перед собой **четкий план**, который требовалось выполнить во что бы то ни стало. Этот план мог быть реалистическим, а мог и не быть. Это не имело значения. Значение имело только то, что выполнение плана обеспечивалось **драконовскими методами**. Разумеется, не такими драконовскими, как раньше. В тридцатые и сороковые годы невыполнение пятилетнего плана запросто могло привести к **смертному приговору**, приведенному в исполнение в этом самом здании, потому что те, кто не мог выполнить план, объявлялись “**вредителями**”, **саботажниками, врагами народа, изменниками Родины** — и это в стране, в которой **государственная измена считалась самым тяжким преступлением**... Как следствие этого, многие руководители промышленных предприятий усвоили, что если нельзя выполнить установки пятилетнего плана на деле, нужно выполнить их на бумаге и тем самым **продлить себе жизнь**, украшенную многочисленными привилегиями, обусловленными высокой должностью. А информация об истинном положении дел, как правило, терялась в **запутанной бюрократической машине**, доставшейся в наследство от

царского режима и разросшейся при марксизме-ленинизме до исполинских размеров” [с.21-22].

Одним из основных персонажей романа “Красный Кролик” есть Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов, реальная историческая личность, сыгравшая важную роль на определённом этапе развития СССР. Описывая, в меру своего понимания, мысли и чувства этого человека, автор воссоздаёт экономическую и политическую обстановку в СССР того периода.

Андропов понимает, что “Советский Союз **отставал от Запада** в лучшем случае на пять лет”, что страну нужно поднимать, однако “в сравнении с этой задачей бледнеют мифические подвиги Геракла... Преобразовать страну? На Красной площади в Мавзолее хранилась в качестве своеобразного коммунистического божества **мумия Ленина**, останки человека, преобразовавшего Россию из отсталого монархического государства в...

в отсталое социалистическое государство” [с.с. 22-23].

Этим государством управлял коллегиальный орган, Политбюро ЦК КПСС, однако составляющие его “**старикажи жили в полной оторванности от реальностей** окружающего мира, который начинался за границами Советского Союза. Они свято верили, что весь мир более или менее похож на то, что

существует здесь, в полном соответствии с политическими теориями Ленина — выдвинутыми шестьдесят лет назад! Как будто с тех пор мир несколько не изменился! Юрия Владимировича охватила беззвучная ярость. Он тратит огромные средства на то, чтобы

знать, что происходит в мире; потоки информации протекают через прекрасно подготовленных и опытных специалистов и в виде безукоризненно составленных докладов попадают к **старикам**, сидящим за длинным дубовым столом, — и те все равно **не желают ничего слушать!**”

“Как бы эффективно ни действовал КГБ, самые впечатляющие успехи лишь обеспечивали то, что Советский Союз отставал от Запада в лучшем случае на пять лет. Кроме того,

Андропову и его агентам было не под силу похитить на Западе контроль качества производства, который делал возможным создание самых современных образцов вооружения. Андропов печально подумал: сколько раз его люди доставали в Америке и других западных странах новейшие технические разработки, после чего выяснялось, что **советская промышленность просто не в силах их воспроизвести?**”[с.с.22-23].

В романе “Красный Кролик” Андропов рассуждает о структуре власти в стране: “Советский Союз уже давно миновал ту фазу, когда государство управлялось одним человеком, — это закончилось тридцать лет назад со смертью Кобы, Иосифа Виссарионовича Сталина, правившего с **беспощадной жестокостью**, от которой сам Иван Грозный дрожал бы, как осиновый лист. Нет, подобная **власть оказалась слишком опасной** и для правителя, и для подданных. Сталин совершал **ошибки** чаще, чем принимал здравые решения, и какая бы польза ни была от последних, первые обрекли Советский Союз на **постоянный откат назад** — и, больше того, создав самую сложную и громоздкую **бюрократическую машину** в мире, Сталин, по сути дела, **перекрыл для своей страны дорогу к прогрессу**...”

...могущественные люди опасаются, а вдруг им не хватит власти? На самом деле, они **не такие уж сильные**... Они боятся потерять то, за что так алчно цепляются, поэтому всю свою **власть используют в бесчестных махинациях**, направленных на то, чтобы сокрушить возможных соперников. Даже Сталин, могущественнейший из деспотов, использовал свою власть в основном для устранения тех, кто мог бы покуситься на его трон. Поэтому великий Коба тратил энергию и силы на то, чтобы

смотреть не вперед и по сторонам, а вниз. Он был похож на женщину на кухне, которая боится забравшуюся под платье мышь, а не на человека, обладающего волей и мощью, чтобы сокрушить кровожадного тигра.

Но у Андропова получится иначе? Да! Да, он сможет смотреть вперед, видеть будущее и прокладывать к нему дорогу. Да, он сможет заразить своей убежденностью слабых и безвольных людей, заседающих с ним за одним столом, возглавить их, повести за собой силой своей воли. Да, он

подхватит знамя Ленина и других великих мыслителей, создателей учения, ставшего господствующим в стране. Да, он изменит судьбу Советского Союза и навечно останется в памяти великим человеком...”[сс. 24-25]. История предоставила Андропову такой шанс, однако отвела слишком мало времени. Да, та самая История, которая не имеет сослагательного наклонения, поэтому не будем гадать, как мог бы измениться Советский Союз.

А в это самое время страна жила своею жизнью: “зарплата простым рабочим и колхозникам” выдавалось **“разноцветными бумажками**, лишь теоретически обладающими какой-то ценностью...”. Эта жизнь “была по большей части **ограничена** днем сегодняшним, а также вчерашним и завтрашним. Экономические реалии просто **не позволяли** заглядывать далеко вперед. Простой советский гражданин **не мог** купить себе загородный дом, **не мог** мечтать о роскошной машине, **не мог** откладывать деньги на то, чтобы придумать что-нибудь необычное на отпуск. Навязав народу **так называемый “социализм”**, правительство Советского Союза позволяло — а по сути дела, **заставляло всех и каждого** стремиться к одному и тому же, независимо от личных вкусов, то есть, вставать в длинную очередь, записываться в бесконечный список и ждать, когда назовут твою фамилию. При этом еще приходилось быть готовым к тому, что тебя грубо оттолкнет какой-нибудь партийный функционер, занимающей более высокое положение, — хотя нет, такие люди имели доступ к особым, привилегированным кормушкам” [сс.48-49] .

Приличную еду и одежду в стране можно было приобрести только за инвалютные рубли, но страшно было то, что утрачивались и моральные ценности: “Инвалютный рубль обладал **реальной ценностью**. Теоретически его можно было даже обменять на “твердую” иностранную валюту, в отличие от **обесцененных разноцветных бумажек**, которыми выдавалась зарплата простым рабочим и колхозникам, лишь теоретически обладающими какой-то ценностью... что, если хорошенько подумать, в этой стране можно было сказать практически про все остальное” [сс.48-49].

Обоснованно предвидя неприятие своих фантастических планов и будущее сопротивление им народа, партия создала и постоянно укрепляла свой “вооружённый отряд” – карательные органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ. Однако “и у КГБ были свои

*слабые места. Подобно обществу, которому он служил, Комитет государственной безопасности подходил к действительности с **политическим шаблоном** и преимущественно оставлял без внимания информацию, которая не вписывалась в эти **тесные рамки**. Вот как получалось, что после долгих, мучительных приготовлений, которые растягивались на многие месяцы, а то и годы, тщательно спланированная, **сложная операция шла наперекосяк**, потому что один из сотрудников приходил к выводу, что жизнь в стане врага не является такой плохой, какой ее изображают. Лучшим лекарством от **лжи** всегда была и остается **правда**. Только она обладает способностью дать хлесткую пощечину, и чем умнее человек, тем больше ему приходится” [с.20].*

Одним из таких людей становится шифровальщик центрального аппарата КГБ СССР майор Олег Зайцев. Он узнаёт о покушении, готовящемся на папу римского (“Андропов хочет убить папу римского...

...Убить папу римского — но зачем? Он не представляет для Советского Союза никакой угрозы. Сам Сталин однажды пошутил: «Сколько дивизий есть в распоряжении папы римского?» Так зачем же убивать этого человека?» [сс. 81-82]), и понимает, что “этот человек не устрашит ничего; для него пуля наемного убийцы станет лишь ключом, отпирающим двери темницы, пропуском лично к господу богу. И этот человек чувствует руку господа во всех своих деяниях. Его нельзя запугать, заставить свернуть с пути, который он считает истинным” [с.31].

Майор Зайцев, который был “лишь звеном в линии связи”, рядовой сотрудник, у которого, как оказалось, “могут быть собственные мысли.....и даже совесть” [с.81], начинает задумываться о побеге на Запад.

Том Клэнси уделяет на страницах романа много места описанию размышлений и переживаний Зайцева, стараясь убедить читателя в правильности решения перебежчика. Кстати, сюжет произведения вымышлен, скорее всего, только в части покушения на Иоанна-Павла II: в конце 70-х реальный шифровальщик КГБ СССР майор Шеймов сбежал из СССР вместе с женой Ириной (как и у героя романа) и малолетней дочерью.

Зайцев — атеист, не разделяющий систему религиозных ценностей, однако он задаётся вопросом: “Но кто определяет, что есть что?”

Люди.

Люди, **не знающие моральных принципов** в том смысле, в котором это понимают во всем мире. Для них **не существует бога**, который определил бы, где добро, а где зло.

И все же...

И все же в сердце каждого человека существуют врожденные **понятия о добре и зле**. Убить другого человека — это зло. На то, чтобы лишить кого-то жизни, нужны очень веские причины. Однако оценивают, взвешивают эти причины тоже люди. Тот самый человек, занимающий тот самый пост, обладающий достаточной властью, вправе принимать решение **убить кого-то — почему?**

Потому что так сказали Маркс и Ленин.

Именно так давным-давно определило правительство Советского Союза” [с. 83] .

Персонаж боится своих мыслей: “подобные мысли являются **опасными, очень опасными**. Советское общество не поощряло и, больше того, даже не допускало **инакомыслия**. Мудрость коммунистической партии не подвергалась критике... никто и никогда **не решался оспорить** вслух правоту партии и отчизны, которой она служит ” [с. 83].

Подспудно понимая правильность своего решения, Зайцев продолжает уговаривать сам себя, размышляя “о том, что моральные устои его родины были предопределены немецким евреем, прожившим почти всю свою жизнь в Лондоне, и сыном царского чиновника, который просто не очень-то жаловал царя после того, как его авантюрист-брат был казнен за попытку покушения на монаршую особу. Этот человек укрылся в самом капиталистическом из государств, в Швейцарии, а потом его переправили на родину немцы в надежде на то, что ему удастся свергнуть царское правительство, что позволит Германии одержать победу над своими противниками на Западном фронте во время Первой мировой войны. Все это мало напоминало великий план построения светлого будущего для всего человечества, начертанный божественной рукой, не так ли?...

Единственным отличием марксизма-ленинизма от религии было отсутствие верховного божества. Обе системы требовали полного подчинения, обе утверждали о своей фундаментальной правоте. Но только советская власть проявляла себя, распоряжаясь жизнью и смертью людей.

Советское государство громогласно заявляло, что его основной задачей является деятельность на благо рабочих и крестьян во всем мире. Однако право решать, кого именно считать рабочими и крестьянами, присвоило себе высшее руководство страны, и эти люди жили в роскошных дачах и просторных, многокомнатных квартирах, разъезжали в машинах с личными водителями... и имели привилегии”; “А убийство безобидного человека является преступлением”, — мысленно подвел итог своим размышлениям Зайцев. Впервые за все время работы в доме номер два по площади Дзержинского Олег Иванович дал волю своим мыслям, перешагнул запретную черту. Он задал себе вопрос и нашел на него ответ.

...Законы и порядки Советского Союза вынуждали Зайцева вариться в собственном соку, снова и снова мусолить свои мысли до тех пор, пока они в конечном счете не выстраивались в строгом порядке, ведущем к единственному решению. И в том, что советское государство не одобрило бы это решение, была вина исключительно самого государства” [с. 83].

Продолжая воздействовать на читателя, Клэнси упоминает и о советском искусстве: “Телевизор был включен. Судя по звукам, шел какой-то фильм про Великую Отечественную войну. Все они были **на одно лицо**. Фашисты яростно шли в атаку — иногда среди немцев встречался один персонаж, обладающий хоть какими-то человеческими качествами, обыкновенно, германский коммунист, как это выяснялось в ходе фильма, который разрывался между **верностью делу своего класса** (разумеется, рабочего класса) и **преданностью родине**... Среди главных героев непременно были **политрук**, беззаветно преданный партии, **храбрый рядовой**, **мудрый сержант** в годах и блестящий **молодой лейтенант**. Иногда к ним добавлялся **седовласый генерал**, который, оставшись один, беззвучно плакал, скорбя по своим подчиненным, но затем, подавив свои чувства, посылал их в бой. Всего существовало **около пяти различных сюжетов**, все **вариации одной и той же темы**, и единственное отличие состояло в том, изображали ли Сталина мудрым, богоподобным правителем или вообще не упоминали о нем. А это зависело от того, когда был снят фильм... Правда в Советском Союзе была **блюдом редким**, и проглотить ее, как правило, оказывалось **очень трудно**” [с.112].

Готовясь “проглотить трудную правду”, Зайцев успокаивает себя тем, что родина, которой он собирается изменить, ненастоящая: *“На чем основывается легитимность государства? Теоретически на воле народа, однако к мнению народа никто не прислушивается. Решающий голос принадлежит коммунистической партии, но в ней состоит лишь небольшая доля населения Советского Союза, из которой, в свою очередь, незначительное меньшинство добилось чего-то, хоть отдаленно напоминающего власть. Следовательно, легитимность государства основывается, если мыслить логически, на... на фикции... И это был очень серьезный вывод”* [с.113].

В этических внутренних диалогах Зайцева фигурирует понятие “душа”.

Рассуждая на эту тему, герой приходит к неутешительному выводу, что *“как говорится, коммунистическая партия является душой народа. Наверное, это единственное упоминание про «душу», дозволенное в Советском Союзе...в этой стране душой является коммунистическая партия, а партия состоит из людей, и не больше того. К тому же, людей порочных...”* [с.121].

Зайцев стремится объективно оценить своё положение в обществе и в системе КГБ, приходя в процессе этого к интересным выводам: *“Олег Иванович напомнил себе, что он обеспечен значительно лучше подавляющего большинства тех, кто едет с ним в одном вагоне метро. Разве не должен он испытывать благодарность по этому поводу?... “Но почему же, в таком случае, меня вдруг начала мучить совесть?” — спросил себя старший офицер центра связи. Ответ был настолько очевиден, что Зайцеву потребовалась целая минута, чтобы его осмыслить. Все дело было в том, что его положение, то самое, благодаря которому он наслаждался всеми этими удобствами, также давало ему знания, и впервые в жизни знание оказалось проклятием. Зайцеву стали известны мысли тех, кто определял курс государства, и, узнав их, он понял, что курс этот ошибочный... даже порочный. У него в голове словно находилось особое ведомство, которое ознакомилось с поступившей информацией и пришло к заключению, что это приведет к злу. И в этом заключении содержалось настоятельное требование предпринять какие-то шаги, чтобы предотвратить зло”*[с.120].

Так автор вводит ещё один актуальный для романа “Красный Кролик” концепт – совесть: *“...он, Олег Иванович Зайцев,*

помогает убийцам. И эта мысль затронула что-то у него внутри. Совесть? Но есть ли у него совесть? Совесть — это некое мерило, которое сопоставляет один набор фактов и идей с другим и остается удовлетворенным. Или нет. В этом случае, обнаружив какой-то изъян, совесть начинает жаловаться. Она вынуждает человека искать и искать до тех пор, пока проблема не будет решена, пока несправедливое деяние не будет остановлено или исправлено... или за него не будет принесено покаяние” [с.114].

Прекрасно понимая реальные последствия своего поступка в случае его раскрытия (“в дополнение к небывалой скупости, КГБ славился полным безразличием к своим сотрудникам, которые считались чем-то вроде расходного материала”; “Самые серьезные последствия для меня будут в том случае, если меня схватит КГБ. Если это произойдет, я неминуемо погибну. И не я один” [с.265]), Зайцев-“Кролик” ещё раз даёт оценку ситуации в “красной стране”:

“Но как остановить Политбюро или КГБ? Как не дать им совершить **преступление**?

Решения принимали те, кто засыпал дорогими подарками своих детей, протаскивая их следом за собой на вершину власти, кто носился в черных лимузинах по широким московским магистралям, — **порочные князьки от марксизма**, держащие страну железной рукой.

Заботит ли этих людей то, что будет хорошо для народа — для бесчисленных рабочих и крестьян, которыми они распоряжаются по своему усмотрению, о благе которых они вроде бы должны заботиться?.. В старину **царедворцы** мчались на санях, запряженных тройками, прямо по телам крестьян; точно так же сейчас московские милиционеры перекрывали центральные магистрали, чтобы **новая знать из номенклатуры** не теряла времени, стоя в пробках” [с.114]; “как при царях знать никогда не задумывалась о последствиях своего правления для простого народа, так и новая знать от марксизма-ленинизма никогда не задавала вопросов относительно системы, которая подняла их на **вершину власти**. Почему? Потому что содержание осталось прежним — **изменился лишь цвет, от царского белого к социалистическому красному**; а, сохранив содержание, система сохранила свои методы работы. Ну а в **красном мире заметить немного пролитой крови очень нелегко**” [с.121].

Зайцева “ведёт” резидент ЦРУ в Москве Эд Фоули.

Разрабатывая операцию в постоянной готовности к провокации КГБ, он тоже задумывается над проблемой предательства: *“...предатели все же существуют, как бы они ни заблуждались. К счастью, по крайней мере, в основном осталась в прошлом эпоха шпионства по идеологическим мотивам. Те люди, искренне верившие в то, что коммунизм является передовой волной эволюции человечества, действовали наиболее самоотверженно и эффективно. Однако в настоящее время даже русские больше не верят в марксизм-ленинизм, за исключением Суслова...”*

От обобщений он переходит к конкретному вопросу: *“К какой категории относишься ты, Иван? — гадал Фоули. — Что заставляет тебя предать родину?”* Русские — беззаветные патриоты своей страны. Стивен Декейтур¹⁵, сказавший: *“Это наша родина, хорошая она или плохая”*, как нельзя лучше выразил и их отношение к своей родине. Однако трагедия России состоит в том, что у нее такие плохие правители. Наверное, Россия — самое невезучее государство на земле. Сначала слишком огромное, чтобы им можно было управлять эффективно; затем оказавшееся в руках беспомощных Романовых; потом, когда даже цари не смогли сдержать жизненную силу народа, ввергнутое в кровавую мясорубку Первой мировой войны, понесшее такие страшные потери, что Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину) удалось захватить власть в свои руки и установить политический режим, несший разорение себе самому; после этого израненная страна оказалась в руках Иосифа Сталина, самого кровожадного психопата со времен Калигулы. Подобные катаклизмы не могли не поколебать веру русского народа...”; *“Ну а “кролик”? Он определенно чем-то взбешен. По его словам, речь идет о предполагаемом убийстве, расправе над невиновным человеком. И он, человек честный и порядочный, не смог этого стерпеть. А значит, «кроликом» движут самые благородные побуждения, поэтому он заслуживает пристального внимания и заботливого отношения”* [с.175, 265-266].

---

¹⁵ Декейтур, Стивен — офицер американского военно-морского флота, отличившийся во время англо-американской войны 1812 года. После возвращения из Европы, где он командовал американской эскадрой в Средиземном море, на торжественном приеме в свою честь произнес тост, ставший знаменитым, в котором были приведены ниже слова.

В своих внутренних рассуждениях Зайцев постоянно задаёт себе вопросы, однако, несмотря на многочисленные вопросительные знаки в тексте, мы понимаем, что выбор героем уже сделан:

“Почему бы не попросить американцев организовать бегство из страны?”

“Но пойдут ли они на это?” — подумал Олег Иванович.

*Конечно, пойдут. Он сможет рассказать им все о **тайных операциях** КГБ на Западе. Ему известны фамилии оперативных работников и кодовые имена агентов — **предателей**, работающих в правительственных и государственных органах Западных стран, людей, которых американцы хотят **вычислить и нейтрализовать**.*

*“А не станет ли это **соучастием в убийстве**?” — спросил себя Зайцев.*

*Нет, не станет. В конце концов, эти люди являются **предателями**.*

А предатель — он и есть предатель.

“Ну а ты-то сам кто, Олег Иванович Зайцев?” — спросил его тихий внутренний голос.

*Однако теперь у Зайцева хватило силы решительно отмахнуться от него одним поворотом головы влево и вправо. **Предатель? Нет, он предотвращает убийство, а это благородный поступок. Значит, он достоин всяческого уважения**” [сс.168-169].*

Надеюсь, вы согласитесь со мной, что приведенные выше пассажи рассчитаны скорее на советского, чем на западного читателя? Думаю, Клэнси был уверен, что и этот его роман переведут на русский, и решил сделать в нём дополнительный акцент на мотивах предательства советских граждан. Это и вполне объяснимо: читатель подобного рода искэпистской литературы отдаёт ей предпочтение именно потому, что сам ставит себя на место протагонистов, принимая их мысли, совершая их поступки. Характерный пример “капиталистического реализма”, а ведь на территориях бывшего СССР писатели к тому времени уже отступили со своих морально-политических позиций и почти повсеместно отказались от “идеологически заряженных” произведений!

“ВЕНЕЦ ТВОРЕНИЯ” В НАШЕЙ КАРТИНЕ *(антропонимикон в произведениях Клэнси)*

Не пугайтесь названия: просто в нём много букв, а на самом деле всё достаточно просто. От написанной филологом книги ожидают глубокого анализа использованных автором литературного произведения языковых приёмов, тропов. Не ждите встречи с расчленёнными метафорами, препарированными оксюморонами и т.п. изысками. Многие из них утрачены безвозвратно в процессе перевода (не всегда качественного и толкового!) романов Клэнси на русский язык, а вот имена-то (т.е., **антропонимикон!**) остались почти не изменёнными и играют свою роль в тексте достаточно убедительно.

Так вот о литературной антропонимике. Антропоним (имя человека), как правило, может представлять собой личное имя — имя при рождении человека; отчество — патроним — именованья по отцу, деду и т. д.; фамилию — родовое или семейное имя; прозвище; псевдоним — индивидуальный или групповой; криптоним — скрываемое имя.

Имя сопровождает человека от начала его истории. Проблема наречения возникла перед человеком уже тогда, когда он ещё и собственного имени не имел: “*И нарёк человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым*” [Быт, 2:20], имена же Адама и Евы упоминаются позже: “*И были оба наги, Адам и жена его*” [Быт, 2:25]; ; “*И нарёк Адам имя жене своей: Ева*” [Быт, 3:20]¹⁶.

Имя даётся надолго, если не навсегда. Нельзя круто изменить программу жизненного пути, взяв себе другое имя. Новое имя добавляет к основному какие-то нюансы, но имя, с которым человек вошел в этот мир, остается с ним навечно. Исключение составляет только перемена имени при пострижении, но ведь, огласитесь, после этого события жизнь человека тоже меняется, причем кардинально.

---

¹⁶ Книга Бытия

Изменения в имени при их внешней несущественности могут значить многое. Вспомним хотя бы известное из Библии: *Аврам – Авраам, Сара – Сарра*. Всего одна буква, а значение имени изменилось. Прерогатива наречения, “*дания имени*”, часто принадлежала богам, жрецам, героям. В ономастике даже существует термин “*ономатет*” (от греч. *ονοματοθετης* — «имядатель») — божество, реальный или легендарный человек или герой, присвоивший, нарекший именем” [Википедия].

Нарекая своих героев, присваивая и/или придумывая им имена, автор становится *ономатетом*, определённым образом принимая на себя ответственность за действия персонажей произведения, их судьбу в рамках сюжета. Казалось бы, прав был Шекспир, вопрошая: “*What’s in a name?*”, однако имя человека важно хотя бы уже потому, что хранит значительное количество информации о своём носителе. Каждый человек имеет имя (“*Нет меж живущих людей, да не может и быть безымянных.// В первый же миг по рождении каждый, убогий и знатный,//Имя, как сладостный дар от родимых своих получает...*” Гомер), данное ему не просто так, а в силу каких-либо соображений. Более того, в ряде случаев имя начинает воздействовать на своего носителя, формируя, “подгоняя” его под себя. Вполне вероятно наличие пока непознанной нами связи между именем человека и его психическими особенностями. Скорее всего эта связь не является жёсткой, абсолютной, однако вера в информационную насыщенность имени, влияние его на характер и судьбу человека, зародившаяся среди наших далёких предков, жива до сих пор.

Влияние имени человека на его характер и судьбу объясняют несколько теорий: социальная, эмоциональная и звуковая. С социальной точки зрения имя человека представляет собой сгусток социальной информации о его носителе... Зная лишь одно имя, мы уже имеем представление о происхождении, национальности, возможном вероисповедании, основных свойствах характера и темперамента человека. Представления эти приблизительно одинаковы у разных людей, что, в свою очередь, определяет приблизительно одинаковое отношение к носителю данного имени.

Согласно эмоциональной теории, имя человека рассматривается в качестве эмоционального раздражителя. Одни имена звучат мягко, ласково и вызывают у окружающих своим звучанием чувство приятного, нежного, возвышенного, другие, наоборот, вызывают неприятные эмоции, заставляют внутренне

сьежиться, напрячься, похолодеть. Это так называемая “музыка имен”. От того, какова она, будет во многом зависеть изначальное отношение окружающих к носителю имени. В дальнейшем это отношение может коренным образом измениться, но когда неприятно звучащее имя вызывает у тысячи человек однотипную негативную реакцию, то это скажется, конечно же, на особенностях характера человека.

В соответствии со звуковой теорией имя представляет собой набор звуков разной высоты и тембра. Разные имена — разные наборы звуков, неодинаковые для мозга звуковые раздражители. А разные раздражители, как известно, приводят в возбуждение разные структуры мозга, что не может не сказаться на формировании различий в психике.

Возможен ещё один механизм воздействия имени на формирование характера личности: у определённого количества людей различные имена ассоциируются с различными цветами спектра, которые могут по-разному влиять на эмоциональное состояние человека, вызывая ощущения тревоги, озабоченности, опасности или, наоборот, умиротворённости и покоя.

Если в условиях реальной жизни отдельные родители, выбирая имя ребёнку, не всегда задумываются над дальнейшей судьбой своего чада, то опытный мастер слова просто обязан выбирать имена персонажей осмысленно. Толково увязанная система антропонимов в литературном произведении становится выразительным элементом его архитектоники.

Имя “Джон” (Джек) имеет соответствия во многих других языках: это и Иван, и Ян, и Жан. Люди, наречённые этим именем, как правило, честны и бесхитростны, трудолюбивы и преданны. На них можно положиться, им можно доверять — они не подведут. Напрашиваются исторические параллели и литературные аллюзии: Иоанн Креститель, Иван-царевич, Ян Гус, Жан Вальжан, фамилия Иванов, на которой *“стоит Россия”*. Несколько ключевых персонажей произведений Тома Клэнси носят это *имя*: в частности, оба Райана (старший и младший), Джон Кларк и некоторые другие.

В то же время, вполне естественно поддерживая (и косвенно подхваливая) близкое ему имя “Джон”, Том Клэнси показывает отношение своих соотечественников к имени *“Иван”*: это и обобщённое название противника, и слегка презрительное определение населения России и имя нарицательное для отдельных индивидуумов (см. *“Красный Кролик”*, *“Слово Президента”*,

“Кремлёвский Кардинал” и др.). В большинстве “до-перестроечных” произведений Клэнси “Иван” – синоним существа злобного, туповатого, подлого, пьющего и морально низкого.

Не случайным представляется и выбор фамилии главного героя – Райан. Из биографии Тома Клэнси узнаём, что он из семьи католиков, образование получил в католических учебных заведениях, куда “направил учиться” и своих героев. Фамилия “Райан” по происхождению ирландская (в жилах Т. Клэнси тоже есть доля ирландской крови), герой родом из семьи ирландских иммигрантов. Об ирландцах говорят, что они “за границей сражаются лучше, чем у себя дома” – отец Джека Райана-старшего добросовестно отслужил в полиции США.

“Правда, Америка является страной иммигрантов. Даже Федеральное бюро расследований первоначально состояло из американцев ирландского происхождения, причём предпочтение отдавалось выпускникам иезуитских колледжей. Особое почтение, как гласила легенда, вызывали Бостонский колледж и колледж Святого Креста – директор ФБР Дж. Эдгар Гувер был убеждён, что ни один американец с ирландскими корнями, получивший образование у иезуитов, не сможет предать свою родину. Несомненно, в своё время по этому поводу выражалось недовольство, и даже сейчас антикатолицизм оставался последним из респектабельных предубеждений. Однако хорошо известно, что иммигранты нередко становятся самыми патриотичными гражданами своей новой страны, порой их патриотизм даже перехлестывает все границы” [Слово Президента, 730].

Возможно, для придания большей “русскости” некоторые персонажи произведений Клэнси получили от автора такие выразительные фамилии, как “Туполев”, “Путин” (“Охота за “Красным Октябрем”), фамилия “Зайцев” досталась перебежчику из СССР (“Красный Кролик”).

Одна из особенностей англоязычных текстов Клэнси практически теряется при переводе их на русский. Мы говорим об использовании патронимов, то есть, отчества, чего нет в современной английской антропонимике. В русскоязычном дискурсе использование патронима в обращении свидетельствует об уважительном отношении к адресату. Том Клэнси вводит обращение по имени-отчеству в диалоги с участием русских персонажей, что помогает созданию реалистичной обстановки.

Шутливо обращаясь к Джеку Райану по “имени-отчеству”, “Иван Эмметович” (отца героя звали “Эммет”), руководитель российской спецслужбы пытается таким образом создать ситуацию непринуждённости контакта и подчеркнуть общность некоторых интересов (см. “Охота за “Красным Октябрем”, “Кремлёвский Кардинал”, “Слово Президента” и др.). С этой же целью фамилию одной из сотрудниц ЦРУ Фоули он переделывает, на русский манер, в Фолееву:

– «Мокрое», – согласился директор Службы внешней разведки. – К тому же и непрофессионально исполненное. Однако Ивану Эмметовичу повезло, товарищ генерал. На этот раз.

– Пожалуй, – согласился Геннадий Иосифович.

– Вы не согласны?

– Террористы недооценили противника... Почему многие так часто недооценивают американцев? – удивлённо спросил он.

– Это действительно хороший вопрос, – признался Сергей Николаевич”;

– “Фолеева, это правда, что положение у вас такое тяжёлое? – спросил Головкин, имея в виду эпидемию. Они говорили по-русски. Несмотря на то что Головкин свободно владел английским языком, заместитель директора ЦРУ говорила на родном языке директора Службы внешней разведки России, причём делала это с известной элегантностью, которой научилась от деда.

– Мы не знаем этого, Сергей Николаевич. Я хотела попросить вас о помощи в другом деле.

– Как держится Иван Эмметович?

– А вы как считаете? Я знаю, что вы видели его по телевидению несколько часов назад.

– Ваш президент – интересный человек. С первого взгляда его легко недооценить. Я сам однажды допустил такую ошибку.... – Передайте Ивану Эмметовичу, чтобы он тщательно обдумал создавшуюся обстановку, Фолеева, – посоветовал Головкин. – Что касается вашей просьбы, то обещаю вам нашу помощь, – добавил он, даже не спросив о её содержании. – Сделаем все, что в наших силах.

– Спасибо. Я перезвоню вам. – Мэри-Пэт положила трубку и посмотрела на мужа. – Нравится мне этот Головкин.

– Хотелось бы, чтобы он был на нашей стороне, – заметил директор ЦРУ.

– А он и так на нашей стороне”.

“– Мы предложили Фолеевой нашу помощь. Она согласилась”;

“Кларку всегда хотелось побывать в штаб-квартире КГБ, но он никогда не ожидал, что ему когда-нибудь предложат напитки в кабинете директора Службы внешней разведки. Несмотря на ранний час, он сделал пару глотков «старки»...

Головко сделал паузу, поставил стакан с водкой на стол и вернулся к чаю. Традиция требовала выпить с друзьями, но для серьёзной выпивки было слишком рано. – Я должен задать вам этот вопрос. Это вы вывезли за границу госпожу Герасимову и её дочь?

Кларк кивнул. Он ничего не добьётся, если попытается обманывать этого человека.

– Да, я.

– Ну что ж, раз они оказались в Америке, можете держать всех троих у себя, Иван... как звали вашего отца?

– Тимоти. Меня зовут Иван Тимофеевич, Сергей Николаевич.

– А-а, – засмеялся Головко. – Какой бы жестокой ни была холодная война, мой друг, приятно теперь встретиться со старыми врагами. Лет через пятьдесят, когда всех нас уже не будет, историки сравнят наши архивы и ЦРУ и сделают вывод, кто всё-таки выиграл войну разведок. Как вы полагаете, каким будет их вывод?

– Вы забываете, Сергей Николаевич, что на протяжении почти всего этого времени я был рядовым солдатом. ....

...Бондаренко тоже окинул Кларка внимательным взглядом. Они обменялись рукопожатиями, в которых ощущалась осторожность, любопытство и странное тепло. Оба были примерно одного возраста, уже вышли из одной его фазы и теперь вступали в другую.

– Геннадий Иосифович является начальником оперативного управления Генерального штаба. Иван Тимофеевич – агент ЦРУ, – представил их друг другу директор СВР”¹⁷.

Подобный пример использования патронима встречаем у Роберта Калена, автора книги года (1990 г.) “По данным советских источников ” (перевод названия наш): “Петрусевич поднялся. “Мне нужно идти” – сказал он. “Андрей Петрович. Игорь Васильевич”. Обращение по имени-отчеству здесь подчёркивает важность проведенной беседы и её достаточно неофициальный характер.

---

¹⁷ Слово Президента, сс. 569, 693, 699, 697-698

У него же читаем: *“Андрюшин, Председатель КГБ; Денепров, украинский руководитель партии; ...Павел Морозов, ...человек, отвечавший за назначения на все высшие посты в правительстве”, “представитель Министерства иностранных дел Василий Гришин”* [Кален, 6]. Председателя КГБ зовут “Игорь Васильевич”, а поскольку имена *Игорь, Егор, Георгий, Юрий* считаются практически однокоренными, то аналогия с *Юрием (Игорем) В. (Владимировичем) Андроповым* очевидна. *“Денепров”*, читай *“Днепров”* – явная ассоциация с главной рекой Украины и тем, что среди высшего руководства страны тогда было много этнических украинцев. Необходимо предположить, однако, что имя *“Павел Морозов”* для англоязычного читателя не окажется таким прецедентным, как для читателя русскоязычного.

Ниже мы будем говорить о функции в текстах Клэнси имён собственных реальных исторических лиц. Сейчас же интересно отметить авторскую манеру “награждения” вымышленных персонажей фамилиями, имеющими сходство с подлинными фамилиями конкретных деятелей эпохи. Так, высокопоставленный офицер спецслужб СССР, а позднее России, носит фамилию “Головко” (одним из руководителей КГБ СССР был Голушко); Михаил Александрович Суслов был идеологом КПСС и “серым кардиналом” страны, в романе его ставленник и перспективный преемник назван “Александровым”.

Два оперативника ЦРУ, Джон Кларк и Доминго Чавез, въезжают в исламское государство с паспортами, предоставленными им российской спецслужбой: *“ – Клерк. – Он протянул паспорт. – Иван Сергеевич Клерк. – Действительно, маскировка под русского уже однажды прошла вполне успешно, и он хорошо запомнил легенду. К тому же Кларк отлично говорил по-русски. Ему и раньше не раз доводилось успешно выдавать себя за советского гражданина.*

– Чеков, Евгений Павлович, – сообщил Чавез соседнему таможеннику.

Они снова работали как русские корреспонденты. В соответствии с американскими законами агенты ЦРУ не имели права выдавать себя за американских журналистов, но это правило не распространялось на иностранные средства массовой информации”¹⁸.

---

¹⁸ Слово Президента, 716

Человек может быть известен также и под *псевдонимом*. Этот тип антропонима часто встречается в текстах произведений Клэнси, значительная часть которых так или иначе отражает деятельность различных спецслужб, в которой использование псевдонимов является повсеместным.

Здесь приведём только несколько, на наш взгляд, достаточно характерных примеров, где можно говорить о явлении эпонимии в широком понимании этого термина (эпоним, (от греч. ἐπώνυμος — «дающий имя») — божество, реальный или легендарный человек или герой, в честь которого получил своё имя какой-либо объект).

Агент ЦРУ, помощник министра обороны СССР, полковник Михаил Филлитов имеет псевдоним “Кардинал” (“*Кремлёвский Кардинал*”); убеждённый борец против советских войск в Афганистане, бывший школьный учитель, ставший оператором ПЗРК “Стингер”, известен как “Лучник”; агент КГБ, помощник сенатора США назван “Кассиус” (усматривается ли намёк на боксёра Кассиуса Клея, принявшего ислам и сменившего имя на Мохаммед Али, после чего его успехи в спорте закончились?), а решивший сбежать на запад майор КГБ Зайцев получает достаточно презрительную кличку “Кролик” (“*Красный Кролик*”).

Имя — очень важный элемент самоидентификации, связи личности с самой собою. Оно отражает периоды жизни человека, изменяясь в основные из них. Практически у каждого есть семейное имя, которое использовали только близкие, существует детские и взрослые варианты имени. С возрастом появляются имена, данные друзьями, коллегами, любимыми. Официальное имя фигурирует в паспорте, финансовых и наградных документах, на табличке в конце концов.

Такая эволюция имени выразительно прослеживается на примере романов серии о Джеке (уменьшительное, фамильярное от “Джон”) Райане (“*the Ryanverse*”). Сын главного героя, Джека Райана-старшего, тоже Джек. Сначала его именуют “маленьким Джеком” (“*little Jack*”), затем “Младшим” (“*Junior*”), позже просто “Джеком”. В романе “Зубы Тигра” (“*The Teeth of a Tiger*”) мы встречаем уже “Джона Райана-младшего”. Это имя, употреблённое в сочетании с воинским званием, наглядно показывает серьёзность и значимость пройденного персонажем жизненного пути.

Характерной чертой и неотъемлемой особенностью политического детектива есть включение в действие произведения важных для описываемого исторического периода персонажей,

реальных или вымышленных, или хотя бы обязательное упоминание о них в тексте. В известной серии политических детективов советского писателя Юлиана Семёнова о ставшем культовым герое часто фигурируют политические и государственные деятели того периода и руководители спецслужб (Борман, Гитлер, Геббельс, Гиммлер, Кальтенбруннер, Шелленберг, Канарис, Даллес и др.). Этот приём создания в литературном художественном произведении атмосферы исторической объективности, подлинной или мнимой, рассчитан прежде всего на привлечение внимания читателя. Идея проста и срабатывает безотказно: герои реальны – произведение правдиво.

Том Клэнси этим приёмом не злоупотребляет, однако среди персонажей его политических детективов встречаем реальных политических и военных деятелей описываемого периода действия. Особенно часто это руководители и/или высокопоставленные чиновники стран, противостоящих США на том или ином историческом отрезке нашей эпохи: Сулов, Андропов, Горшков, Соколов, Устинов, Язов, аятолла Хомейни. Многие из этих имён достаточно широко известны в мире. Их использование в текстах произведений вполне можно сравнить с использованием символов, архетипов и в комментариях вряд ли нуждается.

Отдельные фигурирующие в произведениях Тома Клэнси политики прямо не названы, однако их имена легко угадываются. Таков, например, образ женщины-премьера Индии, образы некоторых ключевых политиков и государственных деятелей СССР, Великобритании, КНР, Ватикана, Японии, Болгарии, Германии (*“Слово Президента”*, *“Красный шторм поднимается”*, *“Кремлёвский Кардинал”*, *“Игры патриотов”*, *“Красный Кролик”* и др.).

Персонажи, занимающие ключевые государственные и политические позиции в американском истеблишменте, носят вымышленные имена, хотя о их реальных прототипах несложно догадаться. Это же справедливо и в отношении созданных автором имён и фамилий представителей высокого государственного, политического и военного руководства противостоящих США стран. Как упоминалось выше, отдельные из них имеют графическое и/или фонетическое сходство с антропонимом своего реального прототипа.

МЕТАЛЛ И ПРОЧИЕ КРЕПКИЕ И НАДЁЖНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

(об “именах вещей” у Клэнси)

Значение термина “антропономикон” понятно, ведь “антропос” – человек. Как назвать раздел исследования, посвящённый имени вещи, предмета неодушевлённого мира? Что-нибудь вроде “прагматономикон”? Настаивать на термине не буду, хотя позволю себе крамольное суждение о том, что название вещи, предмета хранит в себе какие-то древние отголоски тех же изначальных качеств и свойств, что и имя человека. Ибо, если *“Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привёл их к человеку... и нарёк человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым”* [Быт, 1:19-20], то почему подобное не могло произойти и с предметами вещного мира?

В текстах произведений Тома Клэнси важное место среди персонажей занимают боевые единицы армии и флота, причём последних значительно больше. Это можно объяснить тем, что боевая техника армии (танки, самолёты) меньше по размерам и не несёт той сакральности, которой с древних времён люди наделяли свои плавсредства. Корабль закладывался и спускался на воду под религиозный обряд, будь то камлание шамана или молитва священника; имя для судна выбиралось очень тщательно и почти всегда несло скрытый смысл или пожелание, напутствие (“Варяг”, “Дерзкий”, “Invincible” и т.п.), увековечивало название города или территории, имя политического деятеля или исторического персонажа (“Курск”, “Кировоград”, “Ohio”, “Los Angeles”, “Nimitz”, “Киров”, “Александр Невский”, “Гетьман Сагайдачный” и т.п.).

Ранее уже говорилось о футуро-реалистических политических прогнозах Клэнси. Так вот, доверие к ним зиждется не в последнюю очередь на реалистичности изображения обстановки действия, а этому помогает использование подлинных названий боевых единиц. Важным является и ещё одно соображение: укрепление (в ряде случаев – восстановление) престижа вооружённых сил страны, использование с

патриотической целью ностальгических чувств бывших членов экипажей упоминающихся кораблей.

Несколько примеров: в событиях, которые автор описывает в романах *“Охота за “Красным Октябрем”*, *“Слово Президента”*, *“Все страхи мира”*, *“Красный шторм поднимается”* и ряде других в той или иной степени участвуют, среди многих других, подводная лодка ВМС США *“Pogy”*, авианосец *“Stennis”*, (носящий имя видного политика США, сенатора), ракетный крейсер *“Anzio”*, (названный так в честь одной из территорий высадки союзников в Европе в 1944 г.), фрегат *“Carr”*, (увековечивший имя погибшего в 1944 г. старшины-канонира Кара),

USS *Pogy*

USS *John C. Stennis* in May 2007

USS *Anzio* (CG-68) sails past the Statue of Liberty

USS Carr (FFG-52)

представители Королевского военно-морского флота эсминец “Bristol” и фрегат “Juno”.

Упоминаются и другие реально существовавшие суда, имеющие славную историю учебных походов и боевой службы.

Не забыт и противник: автор с уважением пишет о советских кораблях – тяжёлом авианесущем крейсере (ТАКР) “Киев” (носящем имя столицы второй по значению союзной республики СССР), и тяжёлом атомном ракетном крейсере

(ТАРКР) “Киров”, названном по имени политического деятеля советской эпохи.

В предлагаемых Клэнси вариантах развития событий противник, естественно, терпит поражение, которое в каждом случае объясняется по-разному. Я хочу здесь позволить себе замечание, связанное с обсуждаемой темой имени. На флотах США и Великобритании боевая единица имеет, как правило, два “имени”: название и бортовой номер (*tactical number*). Может, это и суеверие, каких немало среди моряков, но кораблю менять название и номер, как и человеку – имя, нежелательно: что-то в тонком мире нарушается.

Так вот, на протяжении своей жизни крейсеру “Киев” приходилось менять бортовой номер. Вот немного его

истории: В 1977—1982 годах «Киев» неоднократно нёс боевую службу в Атлантике и на Средиземном море. В 1985 г. был награждён орденом Красного Знамени. Дальние походы «Киева» продолжались до конца 1991 года. При разделе ЧФ СССР достался Украине. В 1993 году в связи с недостатком средств на эксплуатацию и ремонт, значительной выработкой ресурса вооружения, механизмов и оборудования, выведен из боевого состава украинского флота, после — разоружён и продан правительству КНР, официально — под музей.

ТАКР "Киев", пробыл в строю флота 16 лет, что крайне мало. Например, авианосец "Энтерпрайз" ВМС США, введенный в эксплуатацию в 1961 году, был списан в 2012 году. Срок его службы составил 51 год. "Нимиц" служит в ВМС США с мая 1975 года.

В 2011 году корабль переоборудован под роскошный отель на 148 номеров. Одновременно он выполняет функцию экспоната тематического парка Binhai города Тяньцзинь и принимает постояльцев. На бывшем авианосце обустроены рестораны. Интересно, что в меню представлены блюда преимущественно украинской кухни. Судя по фото, авианосец внешне практически не

изменился — на нём сохранено (надеюсь, в обезвреженном виде!) его прежнее вооружение.

Корабль ожидала худшая доля — утилизация на судоремонтном заводе, поэтому можно сказать, что ему ещё и повезло! Однако повезло ли хищнику, из которого сделали чучело для прихожей?

Молодцы китайцы, хорошо придумали! А ведь ТАКР «Киев» мог бы стоять и в одном из приморских городов Украины, внося свою лепту в дело патриотического воспитания молодёжи, авось тогда не было бы весеннего позора страны. Или памятник былой мощи флота СССР мозолил бы глаза отдельным руководителям?

ТАРКР «Киров», заложенный 26 марта 1973 г. на Балтийском заводе имени С. Орджоникидзе в Ленинграде, получил своё название в честь выведенного из боевого состава ВМФ знаменитого лёгкого крейсера. По традиции он получил от последнего и Краснознаменный военно-морской флаг (почетное звание было присвоено крейсеру 25 июня 1977 г.). Спуск на воду

состоялся 27 декабря 1977 года, а 30 декабря 1980 года крейсер был передан флоту.

Это был храбрый корабль: в 1984 год он совершил свой первый боевой поход в Средиземное море, а 18 мая 1984 года во время инцидента со взрывом складов с боеприпасами в Североморске остался в гавани, в отличие от остального флота, для того, чтобы в случае старта ракет с горящего склада в сторону города или АПЛ, находящейся в гавани — сбить их средствами корабельной ПВО.

В своих романах *“Охота за “Красным Октябрем”* и *“Красный шторм поднимается”* Том Клэнси, использовавший “Киров” в качестве одного из “персонажей”, по-моему, “сглазил” корабль, прописав ему печальную судьбу: во время срочных походов к местам аварии подводных лодок К-19 в 1986 г. и К-278 “Комсомолец” в 1989 году на крейсере случилась серьёзная поломка главного редуктора турбозубчатого агрегата, в дальнейшем усугубленная проблемами с главной энергетической установкой, по этой причине корабль с 1991 года ни разу не выходил в море (в романе Тома Клэнси *“Охота за “Красным Октябрем”* крейсер преследует в Атлантике советскую атомную субмарину, а в романе *“Красный шторм поднимается”* в ходе третьей мировой войны в 1986 г. “Киров” вышел в Атлантику на охоту за конвоями и был потоплен норвежской подлодкой, которая незамеченной прошла в центр ордера и расстреляла крейсер торпедами).

Не боясь суеверий (а, может, именно из-за них) в 1992 году крейсер переименован в “Адмирал Ушаков”, после чего начались его бесконечные ремонты, приведшие к выводу из состава флота в 2002 г. Сначала корабль предназначался для утилизации, но затем было принято решение о его полной модернизации с перспективой возвращения в строй действующих около 2020 года. В 2004 году имя “Адмирал Ушаков” было переприсвоено эскадренному миноносцу “Бесстрашный”, что даёт основания задуматься о дальнейшей доле так часто меняющего имени крейсера.

Продолжая тему имён боевых единиц флота и влияние смены этих имён на судьбу кораблей, скажу, что только в серии ТАКР, крупнейших после авианосцев надводных кораблей, названия сменили такие крейсера: “Варяг ” стал первым авианосцем ВМС Китая под именем “Ляонин”; “Рига”, заложенный в сентябре 1982 года на Черноморском судостроительном , 26 ноября этого же года

был переименован в “Леонид Брежнев”, в августе переименован в “Тбилиси”, в октябре 1990 года получил новое название – “Адмирал флота Советского Союза Кузнецов”; “Баку” 4 октября 1990 года был переименован в “Адмирал флота Советского Союза Горшков”, а в ноябре 2013 года корабль передан Индии (в составе ВМС Индии он вошел как авианосец “Викрамадитья”); ТАКР “Фрунзе” стал “Адмиралом Лазаревым”, “Калинин” – “Адмиралом Нахимовым”, “Юрий Андропов” – “Петром Великим”.

Перечитывая Клэнси в ходе работы над книгой, я не поленился посмотреть в Интернете историю кораблей-персонажей и был удивлён активностью на их форумах. Множество людей ищет сослуживцев, обменивается впечатлениями и фотографиями. Все они, служившие в разное время матросы, старшины и офицеры, до сих пор ЧЛЕНЫ ЭКИПАЖА, чем и гордятся! Вкратце процитирую одного из авторов блога: *“ведь с “КИЕВА” и его офицеров, мичманов и матросов, пошёл процесс насыщения и развития авианесущего флота Союза – мощи ВМФ, будущими корабельными специалистами... Через экипажи авианосцев прошла не одна тысяча человек, которые живут по всей нашей необъятной Родине и которые никогда не забудут свои “крокодилы”... Это были не с чем не сравнимые экипажи, не в обиду другим достойным мореманам.... ТАКР – это особый мир, и кто в нём был, со мной согласится.*

Кто бы что не говорил, а мой низкий поклон китайцам, которые не в пример нашим хапугам с лампасами и без, сохранили наши авианосцы, поддерживают на них отменный порядок и рассказывают посетителям о славном русском оружии и о народе, который придумал и построил эти мощные красавцы”.

Двое моих хороших приятелей служили на флотах бывшего СССР, так вот, главная тема их бескончаемых (при определённых ситуациях) разговоров – походы, штормы, стрельбы, верные товарищи и, конечно же, любимая “коробка”! Потом стаканы отодвигаются, из запретных для членов семьи ящиков достаются и бережно разглаживаются на столе мятые бескозырки и линялые “гүйсы” – воротники от форменок. Ценю это! И как тут даже заикнуться о “неодушевлённости” корабля, на котором (и которому) ты служил, вместе с которым вы берегли и защищали друг друга, вместе с которым должны были победить или погибнуть?

Использование автором художественного произведения присущего разным родам и видам войск чувства боевого товарищества было известно и ранее, вспомним хотя бы гоголевского “Тараса Бульбу” с его “нет дружбы сильнее товарищества”. Не будем считать Клэнси новатором приёма, но в его романах периода *cold war and post cold war* введение в текст повествования “неодушевлённых” героев в виде реальных боевых кораблей флота помогает развитию и укреплению чувств патриотизма у англоязычного читателя, способствует повышению авторитета вооружённых сил США и их союзников, позволяет рельефнее прорисовать образ врага и/или потенциального противника.

Будем ли полагать это одной из особенностей “феномена Клэнси”? Мне кажется, имеет смысл.

НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ *(роль картин сновидений в контексте романов Клэнси)*

Выше я уже упоминал о критических замечаниях в адрес Тома Клэнси по поводу непритязательности его литературного стиля и простоты художественных приёмов. С критиками нет смысла спорить, однако использование автором художественного произведения внутренних монологов героев и картин их сновидений считается признаком мастерства. Всё это можно наблюдать в отдельных романах Клэнси.

По инерции продолжу цитировать роман “Красный Кролик”: *“Хочешь ли ты стать соучастником убийства? — вдруг произнес тихий голос. — Хочешь ли ты содействовать расправе над невинным человеком?”* [с. 113]. Этот голос Олег Зайцев слышит внутри себя и пытается вести с ним диалог.

Ключевым же для выбора героем своего пути, на мой взгляд, является его сон: *“Сновидения явились после полуночи, хотя Олег не мог об этом знать. Стоял ясный солнечный день, и человек в белых одеяниях шел по Красной площади. У него за спиной оставался собор Василия Блаженного, а человек направлялся к мавзолею Ленина, не обращая внимания на потоки транспорта. Его окружали дети, и он ласково беседовал с ними, как это делал бы любящий родственник... или приходской священник. Только тут Олег понял, что это и есть священник. Но почему он облачен во все белое? Даже с золотым шитьем? Дети, четыре — пять мальчиков и девочек, держали священника за руки, глядя на него с невинными улыбками.*

И тут Олег обернулся. На трибуне гранитной гробницы, там, где они стоят во время Первомайских парадов, стояли члены Политбюро: Брежнев, Сулов, Устинов и Андропов. Андропов держал в руках винтовку и целился в маленькую процессию, пересекавшую площадь. Вокруг было полно других людей — безликих,

спешащих по своим делам, не обращающих внимание на происходящее.

Вдруг Олег оказался рядом с Андроповым и услышал его слова. Председатель КГБ спрашивал, есть ли у него право убить священника. “Осторожнее, Юрий Владимирович, не попадите случайно в детей”, — предостерегал его Суслов. “Да, будьте осторожнее”, — соглашался Брежнев. Устинов, подойдя к Андропову, переставил прицел винтовки. Никто не обращал внимания на Зайцева, который тщетно пытался привлечь к себе внимание.

“Но почему? — спросил он. — Почему вы хотите его убить?”

“Кто этот человек?” — спросил Андропова Брежнев.

“Не обращайтесь на него внимания, — огрызнулся Суслов. — Стреляйте же скорее, прикончите ублюдка!”

“Хорошо”, — сказал Андропов.

Он тщательно прицелился, и Зайцев не смог ничем ему помешать, хотя и находился совсем рядом. Затем председатель КГБ нажал спусковой крючок.

Зайцев оказался уже на площади. Первая пуля попала в ребенка, в мальчика, шедшего справа от священника, и тот беззвучно рухнул на брусчатую мостовую.

“Не в него, идиот, — целься в священника!” — словно бешеный пес взвизгнул Михаил Суслов.

Андропов выстрелил снова, на этот раз попав в маленькую белокурую девочку, стоявшую слева от священника. Ее голова словно взорвалась красным облаком. Зайцев склонился над девочкой, желая ей помочь, но она сказала, что с ней все в порядке. Оставив ее, Зайцев вернулся к священнику.

“Берегитесь же!” “Чего я должен беречься, мой юный друг? — ласково спросил священник. Он повернулся к детям. — Идемте, дети мои, сейчас мы увидимся с Господом”.

Андропов выстрелил снова. На этот раз пуля попала священнику прямо в грудь. На белой одежде появилось кровавое

пятно, размером и цветом похожее на бутон розы. Священник поморщился, но продолжал идти вперед, ведя за собой детей.

Еще один выстрел, еще один розовый бутон на груди, слева от первого. Священник замедлил шаг, но упорно шел дальше.

“Вы ранены?” — спросил Зайцев.

“Ничего страшного, — ответил священник. — Но почему ты его не остановил?”

“Но я же пытался!” — возмутился Зайцев.

Остановившись, священник обернулся и посмотрел ему прямо в глаза.

“Да?”

В это самое мгновение третья пуля поразила его в самое сердце.

“Да?” — снова спросил священник.

Теперь все дети смотрели не на него, а на Зайцева.

Очнувшись, Олег понял, что сидит в своей кровати..... Но уже сейчас он понимал, что видение не оставит его. Большинство снов бесследно тает, подобно дыму сигареты, однако с этим сном такое не произойдет. Зайцев был в этом уверен” [с.118-119].

В романе использован и сон американского разведчика. Пускай его символика проста и прозрачна, но это всё-таки литературный приём: “Пока остальное сознание Эда Фоули спало, его ум не переставал работать. Даже во сне он снова и снова перебирал каждую мелочь. Ему снились **кролики**, резвившиеся на зеленой лужайке, за которыми наблюдали **лисицы и медведи**. Хищники сидели неподвижно, даже не пытаясь наброситься на кроликов, возможно, потому, что те бегали слишком быстро и находились совсем близко со своими норами, так что погоня за ними все равно не принесла бы никаких результатов. Но что произойдет, когда кролики отбегут от нор достаточно далеко? Тогда лисицы уже смогут их поймать, зашевелиятся и медведи, способные проглотить ушастых зверьков целиком... А задача Фоули заключается в том, чтобы не дать маленьких пушистых кроликов в обиду, так?”

*Во сне лисицы и медведи просто наблюдали за кроликами, в то время как он сам, **орел**, кружился высоко в небе, всматриваясь вниз. Он, хоть и хищник, дал зарок не трогать кроликов, хотя лисица будет хорошей добычей. Как хорошо будет вонзить ей когти чуть пониже затылка, сломать шею, разорвать на части, а потом бросить, чтобы ее сожрал медведь, которому на самом деле все равно, кем питаться. Да, **господину Медведю** на это наплевать. Он просто **большой старый медведь**, и у него **в брюхе всегда пусто**. Если дать ему возможность, он сожрет и орла, вот только **орлы для него слишком умны и проворны**, так? [с.226-227].*

Я прочёл всего Клэнси. Впечатления положительные, хотя и разной интенсивности, однако роман “Кремлёвский Кардинал” (Том Клэнси. *Кремлевский кардинал*: Эксмо; Москва; 2006; Оригинал: Tom Clancy, “*Cardinal of the Kremlin*”. Перевод: Игорь Г. Почиталин) я бы рекомендовал прочесть и другим любителям политического детектива. В нём несколько интересных сюжетных линий, я выделяю одну – линию пожилого полковника танковых войск, трижды Героя Советского Союза, помощника министра обороны СССР, американского агента “Кардинала” с многолетним стажем. Стажем измены Родине, стажем предательства.

Отмечу выбор эпиграфа к произведению:

*Любовь — над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане.
Любовь — звезда, которою моряк
Определяет место в океане.*

*У. Шекспир. Сонет 116
(перевод С. Маршака).*

Автор не ищет слов о родине, долге, служении идеалам. Для него движущим мотивом всего последующего действия есть только Любовь в различных её проявлениях, по-разному понимаемая персонажами. Филитов, американский агент “Кардинал”, из любви к Родине самоотверженно сражается с фашистами на фронтах Великой Отечественной, проливает свою кровь, хоронит боевых товарищей. Утрата любимой жены, гибель сыновей заставляют Филитова по-другому взглянуть на страну, которую он защищал. Полковник видит тоталитарный режим, забывший о своём народе,

погрязших во внутренних интригах партийных чиновников, бестолковых руководителей-назначенцев, “ястребов” из Политбюро, толкающих страну к войне, и понимает необходимость перемен во имя сохранения Родины.

Внутренние терзания героя автор раскрывает через его сновидения, но сначала несколько “штрихов к портрету”. Полковник живёт один (*“Михаил Семенович сидел в одиночестве за кухонным столом. Перед ним, рядом с едой, стояла открытая бутылка водки. Вечерами он ел колбасу с черным хлебом и соленые огурцы – эта пища мало чем отличалась от того, чем он питался со своими людьми на фронте два поколения назад. Он знал, что его желудок лучше справляется с грубой пищей, чем с изысканной гастрономией, – это обстоятельство изрядно озадачило больничный персонал, когда полковник лежал в госпитале с воспалением легких”* [с. 36];

Оба его сына, тоже танкисты, погибли в мирное время во время службы в Советской Армии, жена Елена умерла от горя. Всё лучшее для него осталось в прошлом, прошлым он и живёт, общаясь там со своими давно ушедшими товарищами: *“Ему вспоминались запахи прошлого. Он чувствовал запах доброй русской земли, острый приятный аромат луговой травы вместе с вонью дизельного топлива и всепобеждающий острый запах артиллерийского пороха из танковых пушек, настолько прочно впитывающийся в ткань комбинезона, что не пропадал даже после множества стирок. Для танкиста это были запахи поля битвы, эти запахи и отвратительный смрад горящих танков и сгорающих в них экипажей. Не глядя на стол, он отрезал кусок колбасы и отправил его в рот на острие ножа. Не отрываясь, он*

смотрел в окно, словно на экран телевизора, и видел огромный далекий горизонт при заходе солнца и столбы дыма, поднимающегося вверх на фоне зеленого и синего, оранжевого и коричневого. Затем он сунул в рот кусок грубого черного хлеба. И тут,

как всегда по вечерам перед тем, как полковник Филитов совершал предательство, его окружили призраки прошлого.

– Мы показали им, правда, товарищ капитан? – спросил усталый голос.

– И все-таки нам придется отступить, ефрейтор, – ответил его собственный голос. – Но мы действительно показали этим ублюдкам, что не стоит связываться с нашими Т-34...

...Они снова перейдут в наступление завтра утром, спокойно подумал водитель.

– И мы подобьем еще несколько вражеских танков, окрашенных в серый цвет слизняков, – произнес заряжающий.

А после этого отступим на десяток километров, хотел сказать, но удержался Филитов, всего на десять километров, если нам повезет и если штаб полка сумеет справиться с обстановкой лучше, чем сегодня... Мы снова отдадим врагу участок нашей земли.

Михаилу Семеновичу не хотелось об этом думать. Он тщательно вытер руки, прежде чем расстегнуть карман гимнастерки. Пора подумать о душе.

– Какая красивая, – заметил ефрейтор, глядя в сотый раз через плечо своего капитана на фотографию, как всегда, с завистью. – Красивая, как хрустальная ваза. А какой у вас хороший сын. Вам так повезло, товарищ капитан, что он похож на мать. Ваша жена такая маленькая, как мог у нее родиться такой большой сын?

Только Богу известно, был его бессознательный ответ. Как странно, что после нескольких дней войны даже самые твердокаменные атеисты взывали к имени Бога. И даже комиссары, что вызывало тихое веселье у солдат.

Я вернусь к тебе, пообещал он, глядя на фотографию. Я вернусь к тебе домой. Пройду через всю немецкую армию, через огонь ада, но вернусь к тебе, Елена.

И тут принесли почту, редкое событие на фронте. Там было только одно письмо для капитана Филитова, но по тонкой бумаге и по изящному почерку он понял, насколько оно важно. Он вскрыл конверт острием своего боевого ножа и, несмотря на спешку, очень осторожно, стараясь не запачкать слова любви руками в смазке от своего боевого танка, достал листки. Через несколько мгновений он вскочил на ноги и издал радостный крик, подняв голову к сумеречному небу.

– Весной я снова стану отцом! – Это произошло, по-видимому, в последнюю ночь его отпуска, за три недели до того, как началось это кровавое безумие...

– Меня это ничуть не удивляет, – шутливо заметил ефрейтор, – принимая во внимание то, как мы сегодня отодрали немцев. Такой мужчина во главе нашего подразделения! Может быть, нашего капитана лучше всего использовать в качестве племенного производителя?

– Ты ведешь себя некультурно, ефрейтор Романов. Я – женатый человек,

– Тогда, может, вместо товарища капитана использовать для этой цели меня? – выразил надежду ефрейтор и снова передал бутылку своему командиру. – За еще одного хорошего сына, товарищ капитан, и за здоровье вашей красавицы жены. – В глазах юного солдата сверкнули слезы радости и одновременно печали – он знал, что лишь самое невероятное стечение обстоятельств позволит и ему стать отцом. Но он никогда не скажет об этом вслух. Да, Романов был хорошим солдатом и надежным товарищем, способным командовать собственным танком.

И Романов получил свой танк, вспомнил Михаил Семенович, глядя на панораму Москвы. Во время сражения под Вязьмой он прикрыл корпусом этого танка выведенную из строя «тридцатьчетверку» капитана Филитова от мчавшегося вперед немецкого «Т-IV», спас жизнь командира, а его собственная

закончилась в
оранжево-красном пламени
взрыва. Алексей Ильич
Романов, ефрейтор
Красной Армии, был
награжден за этот подвиг
орденом Красного Знамени.
Неужели, подумал старый
полковник, этот орден

стал достаточным утешением его матери за смерть голубоглазого веснушчатого сына?

Бутылка водки на столе опустела на три четверти, и Михаил Семенович, как это случалось уже не раз, плакал в одиночестве своей кухни. Сколько их погибло...

Эти подонки из штаба Верховного Главнокомандующего!

Романов убит под Вязьмой. Иваненко погиб, защищая Москву. Лейтенант Абашин под Харьковом – красивый молодой поэт, такой впечатлительный, с душой и сердцем льва, погиб, возглавив пятую контратаку, но сумел очистить путь для Филитова, которому удалось спасти остатки своего полка и вывести его к переправе через Донец в самую последнюю минуту,

И его Елена, самая последняя жертва... Все они погибли не от руки врага, но из-за обмана и равнодушной жестокости их собственной родины...

Михаил Семенович запрокинул голову и вылил в рот остатки водки. Нет, не родины. Родина не предает своих детей. Это бесчеловечные ублюдки, которые...” [сс.36-38].

Подготовив очередное донесение ЦРУ и в очередной раз чувствуя себя предателем, “полковник Михаил Семенович Филитов снова посмотрел на фотографию Елены и спросил ее, правильно ли он поступил. Но Елена только улыбалась, глядя на него, как всегда. Миновало столько лет, подумал он, а прошедшее все еще тревожит меня. Он покачал головой. Дальше последовала заключительная часть ритуала. Михаил Семенович ел хлеб и колбасу вместе со своими давно погибшими товарищами времен Великой Отечественной войны, но не мог заставить себя спросить тех, кто погиб, защищая Родину, оправдывают ли они его измену. Ему казалось, что старые товарищи поймут его даже лучше, чем Елена, но все-таки не решился спросить их. Выпитая бутылка водки тоже не давала никакого ответа, но по крайней мере от спиртного призраки куда-то исчезли. Он с трудом встал из-за стола и вскоре после десяти часов повалился в постель, не выключая света в гостиной” [сс. 96].

Уже попав в поле зрения Второго главного управления, контрразведки КГБ, “Кардинал” продолжает собирать и передавать информацию противнику, несмотря на свои глубокие внутренние переживания: “Почему государство предает нас? – спросил Филитов ефрейтора Романова два часа спустя.

Наверно, потому, что мы солдаты. Филитов заметил, что ефрейтор избегает как сути вопроса, так и ответа на него. Понимает ли, о чем его спрашивает капитан?

Но если мы предадим государство?..

Тогда мы умрем, товарищ капитан. Ведь это так просто. Нас будут преследовать ненависть и презрение крестьян и рабочих, и мы умрем. Романов смотрел через пропасть времени в

глаза своего капитана. Теперь у ефрейтора возник собственный вопрос. Он не решался задать его, но его глаза, казалось, говорили: что вы наделали, капитан?

В квартире на противоположной стороне улицы связист, сидящий у звукозаписывающей аппаратуры, услышал рыдания и не мог понять, что было их причиной” [с.170].

Филитова-“Кардинала” арестовывают. Он одновременно испытывает и своеобразный катарсис, очищение из-за прекращения своей шпионской деятельности, но с другой стороны “на сердце у него было холоднее, чем в камере. Чуждость его преступления еще никогда не казалась ему настолько огромной. Полковник Михаил Семенович Филитов, трижды Герой Советского Союза, оказался теперь наедине с изменой. Он представил себе величественную страну, в которой жил, ее необъятные дали и бесконечные просторы, населенные его соотечественниками – русскими. Всю жизнь он отдал народу, служил ему с гордостью, проливая за него кровь, о чем свидетельствовали его шрамы. Он вспомнил тех, с кем ему довелось воевать, их было так много, и в большинстве своем они погибли, сражаясь под его командой с ним рядом. А как они погибли – дерзко проклиная немецкие танки и пушки, сгорая в своих «тридцатьчетверках», но не сдаваясь, отступая лишь тогда, когда не было другого выхода, предпочитая атаковать, даже сознавая свою обреченность. Филитов вспомнил, как вел свои танки в сотнях боев, вспомнил пьянящую радость, которая сопровождала рев дизельных двигателей, вонючие клубы дыма, решимость, которую могла остановить одна смерть и которую он обманул столько раз.

И он предал все это.

Что бы сказали теперь обо мне мои люди? Он уставился на голую стену напротив койки.

Что бы сказал Романов?

Мне кажется, нам обоим нужно выпить, сказал бы он. Один лишь Романов мог быть веселым и серьезным одновременно. Такие мысли, мой капитан, легче обдумывать за водкой или самогоном.

Тебе известно почему? – спросил Михаил Семенович.

Вы так и не сказали нам этого, товарищ капитан. Тогда он ответил. На это потребовалось всего лишь мгновение.

Оба ваших сына и жена. Скажите мне, товарищ капитан, за что мы погибли?

Филитов не знал этого. Даже во время войны он этого не знал. Он был солдатом, а когда враг вторгается в его страну, солдат сражается, чтобы отразить нашествие. И сражаться намного проще, если враг так жесток, как жестоки были немцы...

Мы защищали Советский Союз, ефрейтор.

Вот как? Припоминаю, что действительно сражался за матушку-Россию, но ведь я сражался за вас, товарищ капитан.

Но...

Солдат сражается за своих товарищей. Я сражался за свою семью. Вы и ваши солдаты были моей единственной семьей. Думаю, что вы тоже защищали свою семью, большую семью – всех нас – и маленькую. Я всегда завидовал вам, товарищ капитан, и гордился тем, что стал членом и той и другой.

Но я убил тебя. Мне не следовало...

У каждого своя судьба, товарищ капитан. Мне было написано на роду умереть под Вязьмой без жены, без детей, но, даже умирая, я оставил семью.

Я отомстил за тебя, Романов. Я взорвал немецкий танк, который убил тебя.

Да, я знаю. Вы отомстили за смерть всех членов своей семьи. Как вы думаете, почему мы так вас любили? Почему мы умирали за вас?

Значит, ты понимаешь? – изумленно спросил Михаил Семенович.

Рабочие и крестьяне, может быть, и не поймут вас, но ваши солдаты – да. Мы теперь понимаем, что такое судьба, а вот вы – еще нет.

Но как поступить?

Капитанов не интересует мнение ефрейторов, засмеялся Романов. Это вы знаете ответы на все наши вопросы.

Голова Филитова дернулась, когда он услышал, как открывают замок на двери его камеры,

Ватутин ожидал найти сломленного человека. Одиночество камеры, унижение арестованного, лишенного личных вещей, утратившего лицо, оставшегося наедине со своими страхами и преступлениями, всегда приводило к желаемому результату. Но Ватутин смотрел на усталого старика, израненного и больного, и видел, как меняются его глаза и лицо.

Спасибо тебе, Романов” [с.184-185].

Находясь в одиночке Лефортово, “Филитов пытался сохранить стойкость, не поддаваться напряжению, но устои уже подкосились, и прямо на глазах Ватутина что-то еще слабело и поддавалось. Вы знаете, что не сможете устоять, Филитов.

Зачем это тебе, Михаил Семенович, шептал какой-то внутренний голос. У него есть время – этот чекист контролирует время. Он потратит столько времени, чтобы сломать тебя, сколько для этого потребуется. Он побеждает. Ты ведь знаешь это, говорило в нем отчаяние.

Скажите мне, товарищ капитан, почему вы задаете такие глупые вопросы? Почему вы считаете, что должны объяснять себе, что являетесь мужчиной? – спросил Филитова знакомый голос. Отступая от Брест-Литовска до Вязьмы, мы знали, что терпим поражение, но я никогда не прекратил сопротивления и вы тоже. Если вы смогли бросить вызов немецкой армии, то устоять против этого слизняка-чекиста вы уж точно сумеете!

Спасибо тебе, Романов” [с. 203].

Американцам удаётся вывести “Кардинала” к себе. Его поселяют на конспиративной вилле ЦРУ и “после этого ему пришлось объяснить подробности своей карьеры, развивавшейся параллельно первой. Целое поколение старших американских офицеров приезжало к нему. Они обедали с ним, совершали прогулки и нередко пили, что беспокоило врачей, но никто не мог запретить этого «Кардиналу». Квартира, где он жил, тщательно охранялась, и в ней даже была установлена аппаратура подслушивания. Техники, занимающиеся подслушиванием, немало удивлялись, что Филитов иногда разговаривает во сне”.

Филитов продолжает встречаться с призраками из своего прошлого, которые не высказывают оценки его поступка, но и не покидают своего командира, они ждут его, и однажды “старый офицер ЦРУ, которому до пенсии оставалось всего полгода, отложил в сторону газету, когда снова услышал, как полковник разговаривает во сне. Он улыбнулся этому бормотанию, доносящемуся из наушников, и забыл о статье, где говорилось о визите президента в Москву. Несчастный, одинокий старик, думал он, прислушиваясь к словам Филитова. Почти все его товарищи погибли, и он видит их лишь во сне. Может быть, именно поэтому он и решил работать на нас? Бормотание прекратилось, и охранник «Кардинала», сидящий в соседней комнате, снова поднял газету.

– Товарищ капитан, – сказал Романов.

– Слушаю, ефрейтор? – Этот сон казался Филитову более реальным, чем все предыдущие. Через мгновение он понял почему” [с.330].

Полковника хоронят в его парадном мундире со всеми регалиями, специально доставленном из Москвы по разрешению президента России. Он упокоен на поле одной из битв войны за независимость США, герой среди героев.

Идеологическая составляющая романа не так навязчива, как в “Красном Кролике”, однако она есть и она срабатывает. Не последнюю роль в этом играют картины сновидений героя.

СЛОЖИЛАСЬ ЛИ МОЗАИКА? (собственно, о самом феномене Клэнси)

Эту главу никто не будет читать, если, упомянув термин “феномен”, я начну утомлять сравнением понятий “феномен” и “ноумен”, вспоминая при этом Платона, Канта, Гуссерля и прочих достойных философов разных эпох. Проще и правильнее будет процитировать словари: *“Феномен - Необычное, особенное явление, редкий факт; Явление, в к-ром обнаруживается сущность чего-н.; О человеке, отличающемся какими-л. выдающимися способностями, талантами, чертами и т.п.”*.

В разнообразном мире англоязычной приключенческой и детективной литературы достаточно много выразительных фигур: это и Флеминг, и Форсайт, и Ладлэм, и Гришэм, и Крайтон, и Кинг - “*имя им – легион*”. Назвать Клэнси уникалом среди этих читаемых и продаваемых мэтров было бы неправильно, однако считать его своеобразным “*особенным явлением*”, “*редким фактом*” – можно с полным на то правом.

На мой взгляд, феномен Клэнси, то есть, его “*выдающиеся способности, таланты, черты*”, непосредственно обусловлен его личностью, и составляют его следующие особенности:

1) умение выбрать из всего великого множества фактов информации о современном мире те, которые станут основой дальнейшего развития событий;

2) дар предвидения хода событий с достаточной долей вероятности и реальности;

3) способность создать литературные персонажи (иногда вплетая в повествование для его большей достоверности и подлинные исторические личности), наиболее полно реализующие авторский сюжетный замысел;

4) использование жанра остросюжетного романа (триллера, военно-политического детектива) для привлечения максимальной читательской аудитории;

5) принцип развёртывания событий на достаточно знакомой читателю и вполне реальной территории;

6) патриотизм (скорее, “ура-патриотизм”, в ряде случаев граничащий с шовинизмом).

В комплексе составляющих “феномена Клэнси” присутствует ещё, как это ни странно для жанра, и гуманизм. Автор практически не позволяет себе описания красочных сцен насилия, не допускает откровенно оскорбительных и/или уничижительных высказываний в адрес противника, основанных на национальности или цвете кожи.

Выделение названных составляющих носит достаточно субъективный характер, их можно (и должно!) критиковать, не принимать, однако полностью игнорировать не получится.

Обо всём этом я пишу в книге где коротко, а где и достаточно пространно. Пусть термин о феномене Клэнси выдуман мною, однако отдельные его черты часто можно встретить в других произведениях жанра, в том числе, в упоминающихся здесь. Именно “отдельные” и не в наилучшем варианте их проявлении, потому и сложно говорить о “феномене” Ирванца, Губенко, Березина или Бунтовского. Ближе всех к “набору качеств” кажется мне Бобров, хотя и “перебирает” он с техническими деталями а, особенно, с нецензурщиной. Да и политкорректным в условиях современной Украины его никак не назовёшь.

В прошлом уже веке в писательской среде стали известными “правила написания детектива”. Их составляли У. Хэттингтон (он же Стивен Ван Дайк), Н Вольский, Р. Нокс и др. Своим “феноменом Клэнси” я не претендую на титул законодателя литературной моды, а просто пытаюсь выделить те качества писательской личности, которые помогут ей не только добиться личного успеха, но и поднять престиж отечества, внести свою лепту в дело патриотического воспитания населения.

Кировоград – Ялта – Кировоград,

2014-2015 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Постовалова Е.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. -С. 8-69;
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. -Воронеж: Истоки, 2002. - 192 с.
3. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. - М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. - 327 с.;
4. Струков Игорь “Через четырнадцать морей и три океана на ТАКР “МИНСК”;
5. Handwörterbuch der deutschen Sprache in zwei Banden. – Berlin Akademie Verlag, 1986 [Настольный словарь современного немецкого языка: В 2-х томах;
6. Широпаев Алексей, опубликовано в издании Русская фабула;
7. Розенталь М.М. Философский словарь. – М.: Изд-во политической литературы, - 1975. – 495 с. ;
8. Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. – Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1979.- 83 с.;
9. Даль В. Толковый словарь великого русского живого языка. – М., 1969;
10. БСЭ, Гл. ред. А.М.Прохоров. – Т.22. – М.: Советская энциклопедия, 1975;
11. Duden.Wörterbuch [Словарь значений немецкого языка]. – Bd.10. – 1979;
12. Langenscheidts Gro.wörterbuch.Deutsch als Fremdsprache. (Большой толковый словарь немецкого языка) – М.: Март, 1998. – 1248 с.;
13. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001. - 320 с.;
14. Дворник Франтишек “Славяне в европейской истории и цивилизации”, электронный ресурс

Том Клэнси, романы

Серия о Джеке Райане / Jack Ryan

- + Без жалости / Without Remorse (1993)
- Игры патриотов / Patriot Games (1987)
- Красный кролик / Red Rabbit (2002)
- Охота за «Красным Октябрем» / The Hunt for Red October (1984)
- Кремлевский кардинал / The Cardinal of the Kremlin [= Кремлевский «Кардинал»] (1988)
- Прямая и явная угроза / Clear and Present Danger [= Реальная угроза] (1989)
- Все страхи мира / The Sum of All Fears [= Цена страха] (1991)
- Долг чести / Debt of Honor (1994)
- Слово президента / Executive Orders [= Приказ президента] (1996)
- Радуга Шесть / Rainbow Six (1998)
- Медведь и Дракон / The Bear and the Dragon (2000)
- Зубы тигра / The Teeth of the Tiger (2003)
- Command Authority (2014) Соавтор: Марк Гриней

Серия о Джеке Райане-младшем / Jack Ryan, Jr.

- Зубы тигра / The Teeth of the Tiger (2003)
- Живым или Мертвым / Dead or Alive (2010) // Соавтор: Грант Блэквуд
- Locked On (2011) // Соавтор: Марк Гриней
- Against All Enemies (2011) // Соавтор: Питер Телеп
- Search and Destroy (2012) Соавтор: Марк Гриней
- Threat Vector (2013) Соавтор: Марк Гриней
- Command Authority (2014) Соавтор: Марк Гриней

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ОСКОЛОК БИОГРАФИИ АВТОРА.....	4
СТЁКЛЫШКО КАРТИНЫ МИРА.....	7
СМАЛЬТА СЮЖЕТОВ.....	9
ШТРИХ ЛАТЫНИ.....	19
КАМЕШКИ ЗАВИСТИ.....	20
РАЗНОЦВЕТНАЯ ЭМАЛЬ ГРАМОТНОСТИ.....	28
САМОЦВЕТ.....	40
КУСОЧЕК СЕРОЙ ГЛИНЫ.....	50
“ВЕНЕЦ ТВОРЕНИЯ” В НАШЕЙ КАРТИНЕ.....	61
МЕТАЛЛ И ПРОЧИЕ КРЕПКИЕ И НАДЁЖНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.....	70
НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ.....	77
СЛОЖИЛАСЬ ЛИ МОЗАИКА?	89
БИБЛИОГРАФИЯ.....	91

ABOUT THIS BOOK

TOM CLANCY'S PHENOMENON reveals and describes some forms and methods of the writer's influence on the reader of his multiple novels. The research is given in the form of seemingly separate chapters/articles, which still present a holistic mosaic picture.

The researcher, Victor BELOUS, born in 1948, used to be a soldier and an officer; he visited Pakistan, Bangladesh, Finland, Sweden, Bulgaria, Romania, Poland, Germany, Austria, Italy, the Czech Republic, Slovenia, Croatia, Slovakia, Egypt, Iran, Tunis, Israel and Palestine.

He holds a PhD degree in philology and is currently employed as a leading research specialist of Kirovograd Regional State Archives. On the side he also does some teaching and translating (intending not to forget his English!) and fiction writing (to keep both of his typing fingers flexible!).

V. Belous may be contacted at oldmajor@ukr.net.

Науково-публіцистичне видання

Віктор Борисович Білоус

ФЕНОМЕН ТОМА КЛЕНСІ

**(мозаїчна картина з різних за характером і
властивостями частинок літературно-
критичних і життєвих роздумів)**

Російською мовою

Редактор **О.Бабенко**

Верстка: **А.Тараненко**

Зверстано в ТОВ “Центрально-Українське видавництво”
Україна, 25006, м.Кіровоград, вул. Тимірязєва, 69.
Тел.: (0522) 24-25-96, 24-48-51. Свідоцтво про внесення суб’єкта
видавничої справи до Державного реєстру видавців, виготівників і
розповсюджувачів видавничої продукції від 15.12.2011 р.,
серія ДК №4234.

Надруковано ФОП Чудна М.С.
Підписано до друку 29.08.2014 р. Формат 60х84 1/16.
Папір книжковий. Друк ризографічний. Гарнітура Times.
Ум.друк.арк. 7,44. Тираж 100. Зам. 402.